

V. Дискуссия о тоталитаризме

Леонид Люкс

Реакция Коминтерна на возникновение и приход к власти итальянского фашизма (1920-1923)¹

1. «Революционный кризис» в послевоенной Италии и его неожиданный исход

Тяжёлый кризис, который переживало итальянское государство сразу после окончания первой мировой войны, пробудил у некоторых вождей Коминтерна и представителей левого крыла в итальянском рабочем движении надежду, что это – канун «пролетарской» революции. Проводилось множество параллелей с русскими событиями 1917 года². Определенное сходство в развитии обеих стран и в самом деле можно было наблюдать. Итальянский государственный аппарат в большой мере утратил контроль над событиями, социалисты стали самой крупной политической силой в стране, а крестьянские восстания достигли таких масштабов, что можно было думать об аграрной революции³.

В августе 1919 года, один из ведущих итальянских марксистов, Антонио Грамши, выдвинул тезис, согласно которому мировая война в Италии, так же, как и в России, создала предпосылки для пролетарской революции. Италия, как и Россия, по преимуществу аграрная страна. По этой причине революция в ней могла бы быть успешной лишь в том случае, если бы на её стороне оказалось большинство населения – крестьяне⁴. Опыт войны освободил крестьянство обеих стран

¹ Сокращенная версия главы из моей книги *Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коммунистическом Интернационале 1921-1935* (Luks Leonid. *Entstehung der Kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935*. Stuttgart, 1985).

² См. Речь Григория Зиновьева на X съезде РКП (б) в марте 1921 г. / Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 506-508. См. также статью немецкого коммуниста А. Якобсена (Jacobsen A. *Der Faschismus // Die Internationale, Zeitschrift für Praxis und Theorie des Marxismus*. 15.11.1922. P. 302).

³ См. Nenni P. *Todeskampf der Freiheit*. Offenbach, 1947. P. 48-50; Tasca A. *Glauben, Gehorchen, Kämpfen. Aufstieg des Faschismus*. Wien, 1969. P. 45-47, 93-95; Tannenbaum E. *The Fascist experience. Italien Society and Culture 1922-45*. N.Y., 1972. P. 26-27; Borkenau F. *The Communist International*. L., 1938. P. 208-210.

⁴ Gramsci A. *Philosophie der Praxis // Eine Auswahl* / Ed. Christian Riechers. Frankfurt/Main, 1967. P. 37-39.

от провинциальной ограниченности, приучил к выдержке и дисциплине и расширил их политический горизонт. В окопах окрепли узы солидарности между крестьянскими массами и политически более опытными промышленными рабочими. Солидарность такого рода придала несокрушимую силу революционному движению в России и обеспечила победу русской революции⁵. Для Италии Грамши предсказывал сходный путь развития при условии, что итальянские социалисты смогут правильно использовать революционный потенциал страны⁶. В 1919/1920 годах Ленин тоже считал возможной революцию в Италии⁷. Однако у этой возможной революции было, по мнению Ленина, мало шансов удержаться у власти. В разговоре с итальянской социалисткой русского происхождения, Ангеликой Балабановой, в сентябре 1920 года Ленин выразил сомнение, сможет ли революция, если она победит только в Италии, а не во всех европейских странах одновременно, выстоять в борьбе со странами Антанты. Уничтожение Венгерской советской республики за год до того показало, что революционный режим имеет мало шансов пережить блокаду и интервенцию западных держав в маленькой отдельно взятой стране⁸. Другую опасность для итальянской революции Ленин усматривал в том, что радикальные группировки в итальянском рабочем движении были не в состоянии создать партию по большевистскому образцу. Сначала Ленин надеялся, что социалистическую партию Италии (СПИ) удастся превратить в партию такого рода.

СПИ принадлежала к числу первых массовых пролетарских партий на Западе, принятых в Коминтерн. Она являлась одной из наиболее радикальных партий Второго Интернационала и во время первой мировой войны, в противовес к другим социал-демократическим партиям Европы, не заключила гражданского мира с господствующими слоями. Ленин неоднократно хвалил итальянских социалистов за это⁹.

По этой причине вожди Коминтерна сначала не очень раздумывали при приеме СПИ в Третий Интернационал. Но они всё же потребовали от вождя СПИ,

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. Современный теоретик КПИ Джорджио Амендола не согласен с Грамши. Он считает, что в окопах Первой мировой войны итальянские крестьяне вступили в контакт не с итальянскими рабочими, а с представителями мелкобуржуазных слоев. Так как итальянские рабочие в своем абсолютном большинстве отрицали войну, только небольшая их часть принимала участия в военных действиях (Amendola G. Der Antifaschismus in Italien. Ein Interview. Stuttgart, 1977. P. 33-34).

⁷ См. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1958-1965, Т. 41.

⁸ Balabanoff A. Lenin. Psychologische Beobachtungen und Betrachtungen. Hannover, 1961. P. 96 -9; см. также речь Григория Зиновьева на 4-том конгрессе Коминтерна (Protokoll des 4. Kongresses der Kommunistischen Internationale. Petrograd-Moskau vom 5. November bis 5. Dezember 1922. Hamburg, 1923. P. 41). Немецкий историк Гельмут Кениг подчеркивает, однако, что были периоды, когда советское руководство более оптимистически оценивало возможность победы пролетарской революции в Италии, например, летом 1919 г. – до поражения Венгерской советской республики – и летом 1920 – во время наступления Красной Армии на Варшаву (König H. Lenin und der italienische Sozialismus 1915-1921. Ein Beitrag zur Gründungsgeschichte der Kommunistischen Internationale. Tübingen, 1967. P. 57).

⁹ Ленин. Сочинения. Т. 26. С. 115.

Серрати, отделиться от правого крыла в партии, которое возглавлял Филиппо Туррати. Серрати отверг это требование и в свою очередь потребовал от Коминтерна уважать самостоятельность своей партии¹⁰. Эта позиция Серрати неоднократно подвергалась ожесточенной критике со стороны Ленина. В ноябре 1920 года он, к примеру, писал: Пролетарская партия, которая не порывает однозначно с умеренными, нерешительными элементами, не в состоянии провести успешную революцию¹¹.

Раскол итальянского рабочего движения и создание сплоченной, дисциплинированной коммунистической партии составляли важнейшую цель Коминтерна в Италии в 1920 году. Эта борьба внутри итальянского рабочего движения до такой степени поглощала внимание руководства Коминтерна, что оно почти не замечало того, что общая ситуация в этой стране с конца 1920 года решительным образом изменилась не в пользу итальянского рабочего движения¹². В течение двух лет итальянские социалисты саботировали «буржуазное» государство и пытались посеять панику среди господствующего класса своими радикальными лозунгами. Но этот радикализм оставался только на словах¹³.

Один из вождей СПИ, Пьетро Ненни, пишет в своих воспоминаниях, что итальянские социалисты восхищались примером русской революции, но только теоретически. Им недоставало присущего большевикам чувства революционной реальности¹⁴. Но из этого не следует заключать, что важнейшей причиной краха попыток революции в Италии была недостаточная решимость итальянских социалистов в стремлении к единоличной власти. Гораздо важнее было то обстоятельство, что итальянское государство и господствующие группировки в Италии были далеко не так деморализованы, как русское государство и правящие круги в 1917 году¹⁵. Параллели, которые усматривали в развитии России и Италии некоторые коммунисты и социалисты, были, по сути, весьма поверхностными. Итальянское государство было гораздо более способным к самозащите, чем русское в 1917 г. и его невозможно было захватить путем революционного штурма. Спустя много лет Антонио Грамши выразил следующее мнение по данному вопросу: «Надстройка буржуазного общества подобна системе окопов в современной войне. Иногда казалось, что ожесточенный артиллерийский обстрел разрушил систему обороны противника, но на самом деле разрушена была только её внешняя оболочка, а в момент атаки и наступления наступающие сталкивались с

¹⁰ Gruber H. *International Communism in the Era of Lenin. A Documentary History*. N.Y., 1967. P. 292-295; König. *Lenin und der italienische Sozialismus*. P. 90, 98-99, 114-115; Braunthal J. *Geschichte der Internationale*. Hannover, 1963. Vol. 2. P. 223.

¹¹ Ленин. *Сочинения*. Т. 41. С. 416-417.

¹² См. Balabanoff. *Lenin*. P. 91-104.

¹³ См. Tasca. *Glauben, Gehorchen, Kämpfen*. P. 101; Rosenberg A. *Der Faschismus als Massenbewegung // Faschismus und Kapitalismus. Theorien über die sozialen Ursprünge und die Funktion des Faschismus* / Ed. W. Abendroth. Frankfurt/Main, 1967. P. 102.

¹⁴ Nenni. *Todeskampf der Freiheit*. P. 82-84.

¹⁵ См. *Ibid.* P. 63-64; Graf Sforza C. *Europäische Diktaturen*. Berlin, 1932. P. 58-60; Amendola. *Der Antifaschismus in Italien*. P. 43.

еще более эффективной линией обороны. То же самое происходит и в политике во время больших экономических кризисов»¹⁶. В сентябре 1920 года революционное движение в Италии достигло своего апогея. Это было время захвата фабрик бастующими рабочими. В течение нескольких недель они оккупировали предприятия, в которых работали. Но это революционное наступление, окончившееся без ощутимых успехов, подтвердило относительную силу существующей социальной структуры в Италии. Государственный кризис 1920 года был по своей природе прежде всего психологическим кризисом, писал Ненни. Итальянское государство еще прочно держало в своих руках материальную силу, но оно уже было не властно над убеждениями людей. Но из этого кризиса оно вышло окрепшим¹⁷. В октябре 1920 года, после того как спала революционная волна, Грамши писал, что как капиталистический лагерь, так и социалистическое движение в Италии в их настоящей форме взаимно исчерпались. Правящие слои в Италии не располагали политической партией, идеология которой могла бы охватить мелкобуржуазные слои и тем самым обеспечить дальнейшее существование легального государства на широкой основе. Господствующие классы, писал Грамши, наверняка прибегнут к военной диктатуре – единственному средству, которое способно обеспечить им сохранение власти¹⁸.

Но именно в тот момент, когда Грамши писал эти слова, в итальянской политике наметился новый поворот. Итальянские фашисты, до этого бывшие малозаметным явлением в политической жизни страны, превратились в политический фактор, способный взорвать сложившуюся политическую ситуацию. Вплоть до захватов фабрик в сентябре 1920 года попытки фашистского движения, оформившегося в марте 1919 года, освободить итальянских рабочих от так называемых «марксистских заблуждений» и перетянуть их на сторону идеи национального величия Италии оставались почти что безуспешными. Абсолютное большинство итальянских рабочих рассматривало СПИ как единственного представителя своих интересов¹⁹. Несмотря на безрезультатное окончание захватов фабрик в этой области в сущности мало что изменилось. Влияние СПИ на низшие слои итальянского общества всё еще было огромным. Посредством одной только пропаганды итальянским фашистам было бы не под силу осуществить политический поворот в Италии, даже после спада революционной волны. Для

¹⁶ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 345-346.

¹⁷ Nenni. Todeskampf der Freiheit. P. 63-65.

¹⁸ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 86f; Джорджио Амендоля считает, что Грамши более точно оценивал тогда положение в Италии, чем другие итальянские социалисты, которые считали, что единственной возможной реакцией итальянской контрреволюции на пролетарское наступление будет провозглашение традиционного для буржуазных государств чрезвычайно положения. Так думал тогда например Филипо Турати (Amendola. Der Antifaschismus in Italien. P. 43f.); Однако и Грамши в октябре 1920 г. говоря о возможной реакции врагов революции на «пролетарскую опасность» считал возможной всего лишь традиционную «военную диктатуру».

¹⁹ См. Lyttelton A. The Seizure of Power. Fascism in Italy 1919-1929. L., 1973. P. 47; Linz J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism // Fascism. A Reader's Guide / Ed. W. Laqueur. California, 1976. P. 14, 17.

этого требовалось применения «прямого насилия», т.е. террора против политических противников. Некоторые радикальные социалисты уже давно грозили буржуазии такими методами борьбы, но только на словах, а итальянские фашисты и в самом деле прибегли к ним и начали осенью 1920 свой истребительный поход против социалистов и их организаций. Весной 1921 года один из вождей СПИ Филипо Турати констатировал, что в Италии началась кровавая контрреволюция, последовавшая в ответ на чисто словесную революцию социалистов²⁰. Многими представителями итальянских высших слоев, живших с момента окончания войны в постоянном страхе перед «большевистской революцией», появление фашизма было воспринято как своего рода спасение. Присущие ему «неортодоксальные» методы борьбы их, как правило, не возмущали. Напротив, многим импонировала «решимость» фашистов. Их рассматривали как силу, которая не только поддерживает существующий порядок, но еще и «обновляет» его. От фашистов ждали окончательного уничтожения уже в принципе не существовавшей «большевистской угрозы»²¹.

Такого рода антимарксистские массовые движения, которые, несмотря на свои «контрреволюционные» цели, использовали революционные методы борьбы, не существовали в России в 1917 году. Некоторые теоретики Коминтерна понимали, что непродуктивно проводить параллели между процессами в России и в Италии²². События в Италии наглядно продемонстрировали теоретикам Коминтерна, что «революционные» ситуации могут быть использованы и отъявленными противниками рабочего движения. Этот неожиданный исход итальянского кризиса требовал пересмотра стратегии Коминтерна в Италии. Но так как Коминтерн был централизованной международной организацией, то его стратегия в одной стране, например, в Италии, была тесно связана с его глобальной стратегией. Помимо этого, ввиду преобладания большевистской партии в этой организации, стратегия Коминтерна находилась в тесной связи с внутри большевистскими и внутри советскими процессами. По этой причине для лучшего понимания исходной ситуации в Коминтерне при начале его конфронтации с итальянским фашизмом в 1920/1921 годах, необходимо дать краткий очерк его тогдашнего международного политического положения, а также внешне- и внутривнутриполитической ситуации советского государства.

²⁰ См. Nenni. *Todeskampf der Freiheit*. P. 75.

²¹ См. De Felice R. *Der Faschismus*. Ein Interview von M. A. Ledeen. Stuttgart, 1977. P. 43, 49.

²² В октябре 1922 г. Троцкий говорил о возникновении фашистских группировок в ряде европейских стран, о явлении, которого Россия не знала. Троцкий Л. *Пять лет Коминтерна*. М., 1924. С. 454.

2. Стратегический поворот Коминтерна и большевистского режима в 1921 году.

Примерно в то же время, когда потерпели крах захваты фабрик в Италии, было нанесено весьма ощутимое поражение красной армии в Польше во время польско-советской войны («чудо на Висле»). Еще один удар Коминтерн получил в Германии в марте 1921 года, где его эмиссары вовлекли КПП в безнадежное восстание. В результате этих трёх поражений вожди Коминтерна на время отказались от идеи прямого «штурма» мирового капитала. Поражение в Германии показало, что европейский пролетариат еще слишком слаб для того, чтобы осуществить революцию своими силами. С другой стороны, поражение в Польше показало, что Красная Армия была пока еще не в состоянии «принести мировую революцию в сердце Европы на острие своих штыков». Распространение революции за пределы границ бывшей царской империи тем самым не состоялось. Однако в то же самое время большевикам удалось установить свой контроль почти над всеми территориями прежней царской империи, разбив генерала Врангеля в ноябре 1920 года и завоевав Грузию в феврале 1921 года. В конечном счете, только прибалтийские государства, Финляндия, Польша, Бессарабия и Южный Сахалин (до 1925 г.) сумели уклониться от нового «собираения русских земель»²³, предпринятого большевиками.

В октябре 1917 года большевики захватили власть в России – «самом слабом звене в цепи мирового капитала» – с тем, чтобы уничтожить затем всю цепь путем мировой революции. Свою борьбу за власть в России они сначала понимали исключительно как служение делу мировой революции, а не как самоцель. Кроме того, они были убеждены, что без помощи революции в промышленных странах большевистский режим в России не выдержит схватку с «мировым капиталом». Но реальные процессы в период с 1918 по 1920 год опровергли прогнозы и ожидания большевиков. Они смогли утвердить свою власть в России без прямой поддержки со стороны революции на Западе. Но их власть осталась ограничена страной, которую они сначала рассматривали всего лишь как стартовую площадку к мировой революции²⁴. Это состояние едва ли можно было изменить в обозримое время. Для большевистского режима возникла жизненная необходимость установить нормальные отношения с «капиталистическими» странами. Один из вождей большевиков, Каменев, заявил в этой связи на 10 съезде РКП(б) в марте 1921 года: если бы пролетариат захватил власть хотя бы в одной крупной капиталистической стране, большевики не вели бы речь о «капиталистическом окружении» и об «уступках капиталистам». Но Советская Россия осталась в изоляции, и

²³ Так называли процесс объединения русских земель вокруг Великого Московского княжества на пороге Нового Времени.

²⁴ См. речь Ленина на 9-том съезде Советов в декабре 1921 г. Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 292.

вследствие этого необходимо покончить с военной конфронтацией с капиталистическим миром и заключить с ним договоры²⁵.

Западные державы, со своей стороны, к концу 1920 года утратили надежду на скорый крах большевистского режима. Большевики одержали полную победу в гражданской войне. Надежда на то, что большевистскую партию в обозримом будущем заменит другая политическая сила, была нереальной. Желание включить большевистскую Россию в общую структуру мирового хозяйства и международной политики всё более четко обнаруживалось у «капиталистических» правительств после окончания гражданской войны в России²⁶.

Крупный большевистский деятель и дипломат Абрам Иоффе следующим образом характеризовал тогдашнюю ситуацию: Взаимная борьба полностью истощила как большевиков, так и «империалистов». Обе стороны поняли, что они слишком слабы, чтобы уничтожить врага. Поэтому они вынуждены какое-то время сосуществовать друг с другом²⁷.

Началась постепенная нормализация отношений между обоими противниками, которые всё больше понимали, что их конечная цель – тотальное уничтожение противоположной стороны – недостижима. Вследствие этого идеологические противники вынуждены были отказаться от политики чистых принципов и ориентироваться на неудобное и непривычное, но в то же время неизбежное сосуществование. И как раз в тот момент, когда и западные демократии, и большевики отказались от немедленного осуществления своих идеологических целей, решив перейти к прагматической политике, неожиданно выросла третья сила – правый экстремизм, который не намерен был считаться с планами обоих прежних противников и который внес существенное замешательство в оба лагеря. Цель тотального уничтожения внешнеполитического противника, от которой к началу 1921 года отказались как коммунисты, так и их демократические противники, была теперь взята на вооружение правыми экстремистами. Вопрос о том, должно ли дело дойти до тотальной конфронтации между коммунизмом и «капиталистическим миром» или нет, решался теперь не только коммунистами и западными демократическими странами. По этой причине тактический поворот, осуществленный Коминтерном в 1921 году, не привел к результатам, которых первоначально от него ожидали²⁸.

Как известно, весной 1921 года большевистское руководство было вынуждено отказаться от революционного наступления не только во внешней, но и во внутренней политике. Здесь оно тоже на время отказалось от попыток немедленно осуществить свои идеологические принципы, и заменило непримиримую политику военного коммунизма более умеренной Новой экономической политикой. С

²⁵ Десятый съезд РКП (б). 1921. Стенографический отчет. М., 1963. С. 450-451.

²⁶ См. Fischer L. The Soviets in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World 1917-19. Princeton/N.J., 1951. P. 279.

²⁷ Eudin X., Fisher H. Soviet Russia and the West 1920-1927. Documentary Survey. Stanford/California, 1957. P. 63-64.

²⁸ См. следующую главу этой статьи.

полной зависимостью всех важнейших областей жизни общества от государства, как это было типично для военного коммунизма, было покончено. Многие экономические и социальные сферы постепенно были высвобождены от прямого контроля со стороны государства²⁹. Террор тоже был ослаблен.

Благодаря этому большевикам удалось преодолеть до некоторой степени внутривнутриполитическую изоляцию своего режима. НЭП, проводившийся внутри страны, соответствовал в рамках Коминтерна политике сотрудничества с европейскими социал-демократами, единому фронту, провозглашенному на 3-ем Конгрессе Коминтерна в июне 1921 года³⁰.

Поражение КПГ в марте 1921 года показало, сколь немногочисленны были коммунисты, даже самая сильная нерусская компартия – КПГ –, если они в одиночку борются против «капиталистического» государственного аппарата. Теперь руководство Коминтерна рассматривало преодоление коммунистами изоляции внутри рабочего движения как важнейшую задачу, которой оно придавало такое же значение, как и попыткам вывести большевиков из изоляции внутри России³¹. Но отказ руководства Коминтерна от «революционного наступления» внутри Коминтерна принимался не без протестов. Он наталкивается на ожесточенное сопротивление левых коммунистов, которые упрекали большевиков в недостаточном понимании положения в Западной Европе. Один из теоретиков левых, голландский коммунист Гортер, уже в октябре 1920 года упрекал руководство Коминтерна в слишком большой готовности к компромиссам с некоммунистическими силами и организациями – то есть, еще до официального провозглашения политики единого фронта с социал-демократами. По его словам, руководство Коминтерна извращало положение на Западе, требуя от коммунистов работы в профсоюзах и в парламенте и сотрудничества со Вторым Интернационалом. Работа с этими организациями и внутри них имеет смысл только для эволюционного осуществления реформ, а не для подготовки революции. У европейского пролетариата нет союзников в его революционной борьбе, утверждал Гортер, так как все другие классы западного общества заинтересованы в сохранении существующей системы³².

На упреки Гортера и других западных коммунистов, что большевики не понимают ситуации на Западе и пытаются на всё смотреть «сквозь русские очки» большевистские вожди отвечали не менее весомым контраргументом: большевист-

²⁹ Эта либерализация ограничивалась, однако, только сферой экономики и культуры, но ни в коем случае не затрагивала политической монополии большевиков на власть. Непосредственно после провозглашения НЭПа единственные, кроме большевиков еще легально существующие партии в стране – эсеры и меньшевики – были запрещены. Политическая деятельность вне правящей партии рассматривалась теперь как своего рода уголовное преступление. См. Schapiro L. *The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State. First Phase 1917-1922*. L., 1955.

³⁰ См. Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 31-32; Degras J. *The Communist International 1919-1943. Documents selected by Jane Degras, L., 1956, Vol. 1. P. 307-308.*

³¹ См. Degras. *The Communist International*. Т. 1. P. 216; Троцкий. *Пять лет Коминтерна*. С. 436.

³² Gruber. *International Communism in the Era of Lenin*. P. 231-240.

ская партия является единственной секцией Коминтерна, которая располагает опытом победоносной революции и победоносной гражданской войны. А вот западные коммунисты, которые критикуют большевиков, делают это с совершенно абстрактных, далеких от реальности позиций³³. Эти аргументы большевиков звучали вполне убедительно. В вопросах революционной тактики и завоевания власти большевики намного превосходили западных коммунистов. Однако этот политический опыт, коренился в специфике России. Попытки перенести его на Запад заканчивались, как правило, полным крахом. Поэтому некоторые западные коммунисты и пытались убедить большевиков, что применение «русских» методов на Западе неоправданно. Как большевики, так и их западные оппоненты были до такой степени убеждены в собственной правоте, что сближение их позиций было неразрешимой задачей³⁴.

В этой полемике позиции большевиков были гораздо крепче, чем позиции их западных критиков. Во-первых, после провала революции на Западе Коминтерн гораздо больше зависел от большевиков, чем большевики – от Коминтерна. Во-вторых, миф большевистской революции оказывал на массы западных коммунистов такое мощное воздействие, что любое сомнение в авторитете большевистской партии было затруднено. Третье, и последнее, коммунисты чрезвычайно гордились тем, что III Интернационал представлял собой централизованную и дисциплинированную всемирную партию, а не свободный союз автономных национальных партий, как II Интернационал. Заповедь поддержания революционной дисциплины имела внутри Коминтерна такую высокую ценность, что оппоненты большевиков, не желая рисковать своим исключением из Коминтерна, сдерживали свою критику в определенных границах. Третий Конгресс был важной вехой в процессе дисциплинирования Коминтерна. Ленин сознательно отделил себя на этом Конгрессе как от правых, так и от левых «уклонистов». Наряду с исключением «правого» вождя КПП Пауля Леви, он требовал также исключения и левой КРПГ³⁵.

Сформулированные на 2-ом Конгрессе Коминтерна (август 1920 г.) 21 условие приема рабочих партий в Коминтерн были подтверждены на 3-ем Конгрессе³⁶. Целью этих 21 условий было превращение Коминтерна в строго дисциплинированную и централизованную организацию по образцу большевистской партии. Но тут следует заметить, что 21 условие приема в Коминтерн в конечном счете было лишь постулатом, который на этапе ленинской фазы истории Коминтерна никогда не удалось осуществить. Несмотря на периодические исключения и наказания за нарушение партийной дисциплины, многообразие мнений в Комин-

³³ См. речь Карла Радека на 3-ем конгрессе Коминтерна. Protokoll des III. Kongresses der Kommunistischen Internationale. Moskau 22. Juni bis 12. Juli 1921. Hamburg, 1921. P. 443.

³⁴ См. на эту тему Rosenberg A. Geschichte des Bolschewismus. Frankfurt/Main, 1966. P. 195-196, 260.

³⁵ В письме Зиновьеву от 10-го июня 1921 Ленин считал, что принятие КРПГ в Коминтерн было ошибкой. Эту ошибку надо как можно скорее исправить. Ленин. Сочинения. Т. 52. С. 267.

³⁶ Protokoll des III. Kongresses der Komintern. P. 408.

терне не могло быть устранено. Полное подчинение этой организации, как и большевистской партии, руководству, наступило только после многолетней ожесточенной борьбы за власть внутри большевистской партии и внутри Коминтерна³⁷. Это значительное разнообразие мнений, которое сохранялось в Коминтерне в начале 1920-тых годов, не могло не оказать сильного влияния на дискуссию о фашизме в Коминтерне.

Первый акт всемирной революционной драмы закончился для большевиков лишь частичным успехом. Они, тем не менее, были убеждены, что наступившее в 1921 году замедление мирового революционного процесса следует рассматривать всего лишь как перерыв между первым и вторым актом драмы. Как они представляли себе этот второй акт? Тщательный анализ их прогнозов в 1921-22 годах свидетельствует, что они ожидали почти что механического повторения первого акта. Так как первая мировая война не привела к ожидавшемуся большевиками «закату капитала», то они ожидали следующей мировой войны, с которой они связывали надежды на окончательное уничтожение капиталистической системы.

Соперничество из-за рынков сбыта, по мнению ведущих большевистских идеологов, только усилилось вследствие мировой войны. Так как соперничество принадлежит к сущности «капитализма», то новые войны за передел мира неизбежны до тех пор, пока существует «капитализм». Исключение Германии из этой конкуренции в конечном счете привело к тому, что противоречия переместились в лагерь победителей. Американско-английское соперничество из-за морской гегемонии и американско-японский конфликт из-за влияния на Дальнем Востоке были, по мнению большевистских идеологов, важнейшими противоречиями в лагере победителей, которые непременно должны были привести к новой мировой войне. Уже в августе 1920 года Троцкий сказал, что к 1923 году Соединенные Штаты будут преобладать над английским флотом. И это решит вопрос о том, быть или не быть британской всемирной империи. Это означает непримиримый конфликт между Англией и США, ибо в «империалистическом» мире не может быть двух господ. Таким образом, после разрушительной мировой войны готовится новая, еще более ужасная война³⁸. Ленин тоже считал неизбежной войну между державами-победителями за «раздел добычи» и за рынки сбыта. Это соперничество между «империалистическими» державами он рассматривал как постоянную величину в мировой политике³⁹. Высказывания большевистских вождей в период

³⁷ Некоторые историки считают, что идейный плюрализм в Коминтерне уже в ленинский период был ликвидирован (См. Gruber. *International Communism in the Era of Lenin*. P. 14-15; Wenzel O. *Die Kommunistische Partei Deutschlands im Jahre 1923*. Berlin, 1955. P. 2). Высказываниями такого рода эти авторы недооценивают того качественного перелома, который произошел в Коминтерне после полной победы сталинской фракции над ее соперниками.

³⁸ Eudin, Fisher. *Soviet Russia and the West*. P. 41f.; Такого же мнения придерживался и большевистский теоретик Е. Варга (Varga E. *Die Krise der kapitalistischen Weltwirtschaft*. Hamburg, 1921. P. 61-63.).

³⁹ Ленин. Сочинения. Т. 42. С. 23, 44, 57.

1920-1921 годов указывают на то, что они рассматривали будущее как своего рода новое издание прошлого. Случайному и абсолютно новому они не придавали никакого значения. Согласно воззрениям ведущих большевистских идеологов, капиталистический мир подчинялся определенным неизменным законам, которые определяли происходящее гораздо больше, чем субъективные желания или нежелания «капиталистов». В основе этой веры лежал специфический консерватизм большевистского мышления. В политическом анализе, проводимом большевиками, всегда было множество сравнений и параллелей, так как они усматривали в новых процессах и феноменах в первую очередь повторение старого.

Когда большевики после спада первой революционной волны составляли в 1920-1921 годах прогнозы относительно будущего развития капиталистического мира, они едва ли осознавали, до какой степени мир 1921 года отличался от мира 1914 года. Закономерности, действовавшие до 1914-го, и даже до 1917-го года, в связи с процессами, начавшимися в 1914 году, почти полностью утратили свою силу. И сами же большевики внесли в это значительный вклад. Но их вожди сначала недооценили масштабы нарушения равновесия в западном мире вследствие двойного вызова: со стороны мировой войны и со стороны большевистской революции. В своей речи на 9 съезде советов в декабре 1921 года Ленин говорил об определенном равновесии, которое якобы установилось в мире⁴⁰. Поразительная до тех пор политическая интуиция Ленина на сей раз ему отказала. Равновесие, которого Европа, якобы, достигла в 1921 году, было ничем иным как фасадом, обманчиво скрывавшим пропасть, которая отделяла послевоенную Европу от довоенной. Поэтому было наивно заимствовать модели для будущего развития Европы из прошлого, как это делали некоторые большевистские идеологи еще в 1921 году. Мощные преобразования, пережитые Европой в период с 1914 по 1920 годы, с необходимостью должны были породить качественно новые, неподвижные феномены, которые опрокидывали все большевистские прогнозы на будущее, сделанные в 1920-1921 годах.

Бросается в глаза то, что большевики в своем анализе послевоенного порядка значительно переоценивали его устойчивость. Они хотя и говорили постоянно о скором крахе Версальских договоров, все же считали при этом, что нужна новая мировая война, чтобы это произошло. Но одну только новую мировую войну они считали недостаточной, чтобы уничтожить послевоенный порядок. Эта война должна была сопровождаться всеобщим восстанием всех угнетенных народов мира против держав, победивших в первой мировой войне. Большевики были твердо убеждены в том, что весь мир, за исключением Советской России, находится под контролем держав-победительниц. Поэтому они мечтали о направленной против этих держав коалиции всех зависимых и угнетенных народов под руководством Москвы, в состав которой вошло бы 70% населения всего мира⁴¹. И

⁴⁰ Там же. Т. 44. С. 291, 296.

⁴¹ Чичерин Г. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 182, 193-205; Ленин. Сочинения. Т. 41. С. 216-218 и Т. 42. С. 71-72.

побежденная Германия, и зависимые и полузависимые страны Азии и Африки объединялись большевиками в одном понятии – колонии Антанты⁴². Это безмерное преувеличение мощи держав-победительниц, и прежде всего Британской империи, свидетельствует о том, как трудно было большевикам освободиться от своих устаревших представлений. Джордж Кеннан говорил, что в 20-х годах большевики так же мало сомневались в мощи Британской империи, как и сами англичане⁴³.

3. Коминтерн и процессы развития в Италии в 1921/1922 годах (до похода на Рим)

Когда революционное наступление итальянского рабочего движения осенью 1920 года было приостановлено, у руководства Коминтерна не возникло ни малейших сомнений в том, что эта неудача объясняется в первую очередь наличием в СПИ «реформистов», сознательно саботировавших революционную борьбу итальянских рабочих. Намерения Коминтерна были нацелены на исключение «реформистского» крыла из СПИ, причем любой ценой. Решающая схватка произошла на 17-ом Конгрессе СПИ в Ливорно, в январе 1921 года. Ультимативные условия Коминтерна, которые были переданы эмиссарами ИККИ – Кабакчиевым и Ракоши, были отклонены большинством СПИ⁴⁴. Так дело дошло до раскола, в результате которого меньшинство под руководством Амадео Бордига, конституировавшееся как коммунистическая партия, одно осталось в Коминтерне. Большинство партии под руководством Серрати было исключено из Коминтерна⁴⁵. Ангелика Балабанова назвала несколько лет спустя СПИ первой жертвой самоубийственной политики Коминтерна⁴⁶. Глава КПГ Пауль Леви, принимавший участие в Конгрессе СПИ в Ливорно, назвал раскол СПИ непростительной ошибкой⁴⁷. Но с другой стороны остается под вопросом, смогла ли бы СПИ сохранить своё единство даже без вмешательства руководства Коминтерна. К началу 1921 года уже почти не было ничего общего между левым крылом СПИ и большинством партии. Даже такой непримиримый критик политики Коминтерна в Италии как Анджело Таска сказал в 1938 году, что раскол СПИ был неизбежен⁴⁸. Еще за несколько месяцев до раскола, в октябре 1920 года, Антонио Грамши писал, что внутри СПИ уже сложилась коммунистическая партия, которая те-

⁴² См. речь Льва Каменева на 10-ом съезде большевистской партии. Десятый съезд РКП (б). С. 451-452; Varga. Die Krise der kapitalistischen Weltwirtschaft. P. 42-43, 58.

⁴³ Kennan G. F. Sowjetische Außenpolitik unter Lenin und Stalin. Stuttgart, 1961. P. 303-305.

⁴⁴ Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 284-285, 295-299, 309-312.

⁴⁵ Ibid. P. 284-284.

⁴⁶ Balabanoff A. Erinnerungen und Erlebnisse. Berlin, 1927. P. 261.

⁴⁷ Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 304-305.

⁴⁸ Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 116.

перь должна только конституироваться официально⁴⁹. Следовательно, спасти единство партии едва ли было возможно. Но для итальянских рабочих стало трагедией то обстоятельство, что раскол произошел именно в тот момент, когда итальянское рабочее движение стало жертвой террористического наступления фашистов.

Третий конгресс Коминтерна в июне 1921 г. интенсивно занимался проблемой краха революционного наступления итальянского рабочего движения осенью 1920 года. Летом 1920 года Италия была тем европейским государством, которое ближе всех подошло к пролетарской революции, сказал в своем докладе глава Коминтерна Зиновьев. Итальянская буржуазия была полностью деморализована, её окончательное поражение было вполне возможно. Но в то время как итальянские рабочие понимали захваты фабрик как революционную борьбу за власть, «центристское» руководство партии видело в них лишь «тред-юнионистскую» борьбу за улучшение условий труда и повышение заработной платы. Это противоречие между целями трудящихся масс Италии и намерениями их вождей предопределило провал революционной борьбы в Италии⁵⁰. Не менее резко чем Зиновьев критиковал руководство СПИ и Карл Радек. Он сослался на высказывание итальянского премьер-министра Джиолитти, заявившего в сентябре 1920 года, что всей итальянской армии не хватит, чтобы силой покончить с захватами фабрик со стороны рабочих. Самый умный представитель итальянского «капитала» сам признавал, по словам Радека, что в сентябре 1920 года итальянское правительство было бессильно. И именно в этой ситуации руководство СПИ уклонилось от продолжения борьбы⁵¹.

Здесь нельзя забывать, что такая резкая критика «реформистов» прозвучала на конгрессе, на котором руководство Коминтерна осуществило стратегический поворот и провозгласило политику единого фронта с социал-демократией. Эта политика должна была проводиться и по отношению к Италии. Итальянские коммунисты тоже должны были начать работу внутри социал-демократических профсоюзов и других организаций. Для многих европейских коммунистов наверняка было нелегко понять тактический ход мыслей руководства Коминтерна. Как можно было стремиться к сотрудничеству с политическими силами, которые в то же время характеризовались как «предатели» рабочего класса? Особенно трудно было это понять итальянским коммунистам. Раскол с «реформистами» и «центристами» в Ливорно итальянские коммунисты воспринимали как окончательный разрыв⁵². Требование Коминтерна сотрудничать именно с этими силами для предотвращения наступления «капитала» большинство итальянских коммуни-

⁴⁹ См. статью „Die Kommunistische Partei“/ Gramsci. Philosophie der Praxis.

⁵⁰ Protokoll des III. Kongresses der Komintern. P. 166-180.

⁵¹ Ibid. P. 450; см. также Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 17-18, 27.

⁵² См. Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385ff.; Togliatti P. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI in den Jahren 1923-1924 / Togliatti, Reden und Schriften. Eine Auswahl. Frankfurt/Main, 1967. P. 162-195.

стов считало абсолютно неприемлемым⁵³. Непреклонная позиция итальянских коммунистов по отношению к социалистам⁵⁴ была резко осуждена руководством Коминтерна. Ленин утверждал, что решающую роль в победе большевиков в 1917 году сыграл тот факт, что большевистская партия благодаря своей программе сумела тогда завоевать симпатии масс. В Италии о такого рода укорененности коммунистов в массах, являющейся непременным условием для победы революции, не могло быть и речи. Поэтому выход из изоляции является для КПИ велением времени⁵⁵. Полемика руководства Коминтерна как против итальянских коммунистов, так и против итальянских социалистов однозначно указывала на то, что итальянское рабочее движение не подчинялось коминтерновской дисциплине. Все группировки в итальянском рабочем движении чувствовали себя непонятыми Москвой и оставленными на произвол судьбы. Но влияние Коминтерна на события в Италии было всё же слишком незначительным, чтобы возлагать на него одного всю ответственность за поражение итальянского рабочего движения, которое было порождено прежде всего внутренними итальянскими причинами.

Уже на 3-ем конгрессе Коминтерна некоторые докладчики обратили внимание на разрушительные последствия контрнаступления фашистов. Тон, в котором проводилась дискуссия о фашизме, был относительно трезвым, попытки приукрасить положение почти не предпринимались. В докладе Радека успехи фашистов объяснялись прежде всего тем, что после неудачи захватов фабрик в сентябре 1920 года буржуазия больше не боялась социалистов. СПИ продемонстрировала, что она сама боится борьбы. Это поведение вождей СПИ подорвало решительность итальянского пролетариата в его борьбе за власть и вдохновило фашистов к „дикому походу против рабочих“⁵⁶. Другую причину успехов фашистов руководство Коминтерна усматривало в широкой поддержке фашистов со стороны итальянского государственного аппарата.

Спустя примерно год после начала фашистского контрнаступления, в сентябре 1921 года, итальянский коммунист, взявший себе псевдоним «Ардито Россо»⁵⁷, описывал положение социалистического движения в Италии следующим образом: за несколько месяцев была разрушена вся структура социалистических организации, произошел развал социалистического движения в целом. Многие активные социалисты удалились от политической жизни, а многие перебежали на сторону фашизма. Рабочие оказались без идеологии и без вождей. В 1920 году СПИ была единственной реальной политической силой в Италии; а теперь социалистическое движение утратило всякое влияние⁵⁸.

⁵³ См. на эту тему Amendola. *Der Antifaschismus in Italien*. P. 55.

⁵⁴ Ленин. *Сочинения*. Т. 44. С. 26.

⁵⁵ Там же. С. 29-30; см. также Троцкий. *Пять лет Коминтерна*. С. 219, 230-231.

⁵⁶ *Protokoll des III. Kongresses der Komintern*. P. 450-52.

⁵⁷ *Bulletin des III. Kongresses der Komintern*. Moskau, 1921. P. 18-19.

⁵⁸ Ardito Rosso, *Perspektiven und Lehren der revolutionären Krisis in Italien // Die Kommunistische Internationale*. 1921. Nr. 18. September. P. 114-120.

И вот в рамках Коминтерна развернулась ожесточенная дискуссия о характере фашистского движения. Сначала была предпринята попытка отождествлять фашизм с уже знакомыми контрреволюционными течениями. Фашистов называли «белогвардейцами», а фашистский террор – «белым террором»⁵⁹. Белая гвардия воплощала для большевиков до наступления фашизма наиболее радикальное проявление контрреволюции. Большевикам потребовалось время, прежде чем они поняли, что в лице фашизма они получили качественно нового противника, который мог оказаться намного опаснее, чем были их прежние «белые» противники. Вследствие этого важнейшим вопросом в коминтерновской дискуссии о фашизме был вопрос о том, является ли фашизм инструментом «капитала» и господствующих классов Италии, или же он представляет собой самостоятельную силу с особыми целями, которые не имеют ничего общего с целями властвующей элиты в Италии. Последнего мнения придерживался уже упоминавшийся коммунистический автор Ардито Россо. В сентябре 1921 года он писал, что фашизм представляет собой организацию широких слоев, далеких от капитализма, несмотря на то, что капитализм их поддерживает и организует. Капиталистам удалось организовать активные элементы мелкой буржуазии, хотя сомнительно, что эти силы, вызванные им к жизни, ему удастся надолго удержать под своим контролем. Фашисты развязывают безудержную активность, не обращая внимания на попытки капиталистов удержать её в рамках. Многие коммунисты, пишет Россо, придерживаются мнения, что фашизм в конечном счете является всего лишь инструментом капиталистов, а его кажущаяся независимость – всего лишь обман. Но на самом деле фашисты выражают самостоятельные тенденции, и не желают иметь ничего общего с другими буржуазными партиями. Таким образом, буржуазный блок содержит опасный фашистский элемент, который подрывает его экономическую и политическую структуру⁶⁰.

Антонио Грамши тоже указывал на относительно автономный, сложный и внутренне противоречивый характер фашизма. В августе 1921 года Грамши писал, что, собственно говоря, существуют два вида фашизма. Первый – под руководством Муссолини – является относительно умеренным и стремится к сотрудничеству с социалистами и либеральной христианско-демократической партией (пополари). Фашизм второго рода носит бескомпромиссно-антипролетарский характер и представляет интересы землевладельцев (аграриев)⁶¹. Эти слова Грамши написал под впечатлением пакта о ненападении, который Муссолини предложил заключить с руководством СПИ в июле 1921 года. То крыло фашистской партии, которое поддерживали крупные землевладельцы, решительно отвергло подобного рода соглашение⁶². На фашистском конгрессе в Риме в ноябре

⁵⁹ См. Protokoll des III. Kongresses der Komintern. P. 451; Bulletin des III. Kongresses der Komintern. P. 18-19.

⁶⁰ Ardito Rosso, Perspektiven und Lehren der revolutionären Krisis. P. 120-123.

⁶¹ Gramsci A. Socialismo e Fascismo. L'Ordine Nuovo 1921-1922. Turin, 1971. P. 297-299.

⁶² См. Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 173-173, 181-183.

1921 года Муссолини под давлением крайних антипролетарских группировок вынужден был отказаться от пакта о ненападении с социалистами⁶³. Совсем другую точку зрения на характер фашизма чем Грамши и Ардито Россо отстаивало левое большинство в КПИ. От имени этого большинства в ноябре 1921 года выступил Умберто Террачини; фашизм – это состояние насилия буржуазного класса, неотделимое от уже существующих буржуазных партий и не обладающее собственными чертами. Деятельность фашистов в парламенте и в правительстве ничем не будет отличаться от деятельности нормальных буржуазных конституционных партий⁶⁴.

Эти взгляды имели тяжелые последствия для тактики КПИ в борьбе против фашизма. Так как левое руководство КПИ не желало видеть существенного различия между фашизмом и буржуазной демократией, то и борьбу фашистов за установление единоличной власти в Италии оно считало внутренним делом буржуазного класса. В своей работе «Возникновение группы лидеров коммунистической партии Италии в 1923-1924 годах», опубликованной в 1962 году, Пальмиро Тольятти подвергает резкой критике эту позицию КПИ. Левое руководство КПИ вплоть до прихода к власти фашистов придерживалось мнения, что пролетариат не должен проводить различие между разными группировками буржуазии, борющимися за власть. КПИ в то время оспаривала, что возможен фашистский государственный переворот в собственном смысле слова, так как сущность государства при этом не будет затронута⁶⁵. Даже Антонио Грамши, который во многих вопросах был не согласен с левым руководством КПИ во главе с Бордигой, не видел возможности сотрудничества с либеральным государством в целях приостановки наступления фашистов. И он тоже не стремился что-либо предпринять, чтобы спасти либеральное буржуазное государство. Полный распад буржуазной парламентской демократии в Италии является предпосылкой для революции, заявлял он в январе 1922 года⁶⁶. 2-й конгресс КПИ в Риме в марте 1922 года подтвердил леворадикальный курс. В тезисах, которые он принял, отрицалось качественное различие между буржуазной демократией и фашизмом⁶⁷. В июле 1922 года Террачини сказал в этой связи: Ни одно буржуазное правительство не может вести борьбу против фашизма, ибо оно тогда в скором времени столкнется с подъемом пролетарского рабочего движения, удержать которое можно только

⁶³ Ibid. P. 196-199; Lyttelton. The Seizure of Power. P. 73.

⁶⁴ Terracini U. Der Faszistenkongreß und der Streik in Rom // Inprekorr. 22.11.1921. Nr. 26. P. 229-230; См. также Thesen der KPI zur Frage der Taktik // Inprekorr. 23.5.1922. Nr. 74. P. 572.

⁶⁵ Idem. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 191-192; см. также Togliatti. Die italienische kommunistische Partei. Frankfurt/Main, 1979. P. 42-43. См. также Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 127-128; Лопухов Б. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919-1929 гг. М., 1968. С. 121-122.

⁶⁶ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 105.

⁶⁷ Thesen der KPI zur Frage der Taktik // Inprekorr. 23.5.1922. P. 572; см. также Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Torino, 1967-1969. Vol. 1. P. 181-183; Лопухов. Фашизм и рабочее движение. С. 152-153.

средствами вооруженного фашистского террора⁶⁸. Большинство итальянских коммунистов хотело победить фашизм в одиночку, не идя ни на какие компромиссы с другими итальянскими партиями. Этот пункт стал предметом все усиливающейся полемики между Исполкомом Коминтерна и руководством КПИ⁶⁹. Эти тезисы 2-го съезда КПИ следующим образом характеризовались на пленарном заседании ИККИ в июне 1922 года: «Тезисы итальянского партийного съезда о тактике свидетельствуют о том, что итальянская партия не преодолела "левокоммунистические" заблуждения, отвергнутые 3-им конгрессом. Её позиция по вопросу о едином фронте, который она признает в сфере профсоюзной деятельности, но не одобряет в области политики, свидетельствует о практических опасностях, которые вытекают из теоретических ошибок»⁷⁰. Тольятти пишет (1962), что только относительно незначительное меньшинство в КПИ под руководством Грамши не возражало против сотрудничества с социалистами в борьбе против фашизма⁷¹. Но до захвата власти фашистами такие взгляды внутри КПИ не получили поддержки. КПИ продолжала говорить о «предательстве» социалистов и призывала рабочих к борьбе как с фашистами, так и с социалистами⁷². Тогдашнее поведение коммунистов Таска комментировал впоследствии такими словами: «КПИ призывала к борьбе не на жизнь, а на смерть против фашизма, но на деле она предприняла не больше, чем СПИ. По-настоящему и всерьез коммунисты вели борьбу только против социалистов. Всё остальное было бессильной демагогией»⁷³.

В начале октября 1922 года в Италии произошло событие, которое Коминтерн воспринял как подтверждение правильности своей тактики. Максималистское большинство СПИ под руководством Серрати исключило из партии на съезде в Риме правое крыло под руководством Турати, Модильяни и Маттеоти⁷⁴. Тем самым было выполнено требование Коминтерна двухлетней давности. Новому принятию СПИ в Коминтерн уже ничто не препятствовало. Зиновьев, принадлежавший к тем руководителям Коминтерна, которые не скупались на победоносные сообщения, сразу же после съезда СПИ провозгласил: «Труден и тернист путь итальянского пролетариата, но самое трудное он, кажется, уже преодолел... Лучшие дни для итальянского рабочего движения не заставят себя ждать»⁷⁵. Зиновьев написал эти слова в то время, когда итальянские рабочие организации после двухлетнего фашистского террора были почти разрушены, а вся инфраструк-

⁶⁸ Terracini. Die Ministerkrise in Italien // Inprekorr. 29.7.1922. Nr. 148. P. 949-950.

⁶⁹ См. Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 178-186; Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385-387.

⁷⁰ Radek. Die Resultate der Erweiterten Exekutiv-Sitzung // Inprekorr. 17.6.1922. Nr. 100. P. 712.

⁷¹ Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 175-80.

⁷² Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385-391; Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 244.

⁷³ Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 189.

⁷⁴ Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385; Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 181.

⁷⁵ Zinov'ev. Der Sieg der Kommunistischen Internationale // Inprekorr. 10.10.1922. Nr. 197. P. 1318.

тура итальянского рабочего движения находилась в состоянии распада. Но оптимистическая оценка Зиновьевым положения в Италии ни в коем случае не разделялась всеми членами Коминтерна. Позиция немецкого коммуниста Пауля Бёттхера в вопросе о расколе СПИ, опубликованная в теоретическом органе КПГ «Ди Интернационале» в октябре 1922 года, не содержит особой уверенности в победе. Он описывает безрадостное положение итальянского рабочего движения, его атомизацию и дезинтеграцию: «... Рабочий класс потерял всякое доверие к своим вождям. За короткое время рабочие в массовом порядке вышли из профсоюзов. От двух миллионов членов в 1920 году сейчас осталось приблизительно 700.000. Союз сельскохозяйственных рабочих, насчитывавший в свои лучшие времена 800.000 членов, исчез с лица земли. Состав членов СПИ сократился от 200.000 членов в 1919 году до 65.000 человек»⁷⁶. Не менее пессимистично положение в Италии описывал Троцкий в своей речи 20 октября 1922 года в связи с 5-летием Октябрьской революции: В период с 1921 по 1922 год мы были свидетелями ужасающего отступления рабочего класса под ударами объединенных буржуазных и мелкобуржуазных группировок, которые мстили за тот страх, который буржуазия пережила в сентябрьские дни 1920 года. Фашизм – это неофициальное правительство, которое не связано никакими демократическими нормами. Итак, мы видим, с какими чудовищными трудностями сталкиваются западные коммунисты⁷⁷. Это было одно из первых высказываний Троцкого о фашизме, о той политической силе, изучение и борьба с которой стали впоследствии одной из его жизненных задач. Но ценность этой интересной попытки Троцкого дать определение фашизма снижается тем, что он ставил на одну ступень такое мощное массовое движение как итальянский фашизм с военными организациями вроде «Оргеш» в Германии или роялистами под предводительством Леона Додево в Франции, которые он тоже называл «фашистскими». Сравнивая эти организации с итальянским фашизмом, Троцкий стремился обратить внимание на то, что фашизм – это не чисто итальянское, а общеевропейское явление. Несмотря на эту оговорку можно сказать, что в отличие от Зиновьева, Троцкий правильно понимал масштабы поражения итальянского рабочего движения накануне прихода к власти фашистов⁷⁸.

4. Реакция Коминтерна на поход на Рим

Фашистский государственный переворот в Италии не был для руководства Коминтерна такой неожиданностью, как представляют сегодня некоторые исследо-

⁷⁶ Böttcher P. Ein neuer Sieg der Kommunistischen Internationale. Zur Spaltung der Sozialistischen Partei Italiens // Die Internationale. 1.11.1922. P. 263.

⁷⁷ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 437-438, 454-455.

⁷⁸ Там же. С. 454-455.

ватели фашизма, например, Эрнст Нольте и Вольфганг Шидер⁷⁹. В Коминтерне уже больше года полным ходом шла дискуссия о фашизме. Многие идеологи Коминтерна еще до похода на Рим осознали как силу фашизма, так и его намерение установить в Италии свое единоличное господство. Дискуссия о фашизме, состоявшаяся в Коминтерне после фашистского государственного переворота, явилась продолжением дискуссии, начатой еще в 1921 году. Но вполне понятно, что такое яркое событие, как поход на Рим, способствовало оживлению этой дискуссии. Этому способствовало и открытие 4 конгресса Коминтерна, состоявшееся спустя несколько дней после государственного переворота в Италии. На некоторое время Италия оказалась в центре внимания Коммунистического Интернационала.

Фашистский государственный переворот в Италии поколебал утверждение Ленина от 1921 года о том, что в мире восстановлено некоторое равновесие.

«Капиталистический» мир, дестабилизированный мировой войной и большевистской революцией, тогда только начинал приходить в движение. Панический страх перед революцией привел его к тому, что он отдал себя в руки наиболее радикальных противников марксизма.

Радек оценил фашистский государственный переворот как одно из самых тяжелых поражений в истории рабочего движения и как один из величайших успехов в «капиталистическом» контрнаступлении. В своей речи на 4 конгрессе Коминтерна он сказал: «В победе фашизма я вижу не только механическую победу оружия фашистов, но и самое большое поражение, которое потерпел социализм и коммунизм с начала периода мировой революции»⁸⁰. Это поражение было для Радека гораздо более серьезным, чем поражение Венгерской советской республики, так как ответный удар в Италии явился результатом духовного и политического, упадка итальянского рабочего движения⁸¹. Троцкий тоже видел в фашистском перевороте апогей «капиталистического» контрнаступления, которое началось в Европе с конца 1920 года. На 4 конгрессе Коминтерна он сказал: В Италии за недоведенной до конца революцией последовала доведенная до конца контрреволюция, которая не без успеха восприняла некоторые методы революции. Западная буржуазия, гораздо более дальновидна, чем русская. Ошеломить её так, как это сделали в 1917 году большевики с русской «буржуазией» в 1917 году, чрезвычайно трудно. Европейская буржуазия мобилизует не только свой авангард, но и все свои резервы, чтобы в зародыше задушить все революционные попытки пролетариата⁸². Но всё же Троцкий был менее пессимистичен, чем Радек. Свой осторожный оптимизм он обосновывал аналогией между тогдашним положением в Европе и ситуацией в России после неудачной революции 1905 года. В 1905 году русский «пролетариат» так же близко стоял к победе, как и западноев-

⁷⁹ Nolte E. Theorien über den Faschismus. Köln, 1967. P. 22; Schieder W. Faschismus / Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Freiburg, 1968. Vol. 2 P. 455.

⁸⁰ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 310.

⁸¹ Ibid.

⁸² Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 432-433, 461.

ропейский в 1918 и 1920 годах. И тут и там защитникам существующего порядка удалось одержать верх. Но революция 1905 года до такой степени ослабила царский режим, что его свержение стало неотвратимым. Подобный ход событий Троцкий предсказывал и для Запада⁸³.

На 4 конгрессе Коминтерна его руководство подтвердило тактику единого фронта, провозглашенную на 3 конгрессе. Перед лицом «наступления капитала», апогей которого составил фашистский государственный переворот в Италии, эта тактика приобретала особое значение. Согласно мнению Радека, она должна была прежде всего служить для защиты позиций рабочего движения. Европейский пролетариат в тот момент утратил веру в победу, сказал Радек на конгрессе. Вопрос о захвате власти в обозримом будущем не стоит на повестке дня. Сотрудничество со II Интернационалом в конечном счете должно служить целям лучшей организации обороны против наступления «капитала»⁸⁴. Для большинства членов КПИ эти требования Радека были неприемлемы. Старый спор между руководством Коминтерна и руководством КПИ по вопросам единого фронта на 4 конгрессе Коминтерн разгорелся вновь с неослабевающей силой⁸⁵.

Пессимистическая оценка положения в Италии Радеком и отчасти Троцким разделялась отнюдь не всеми лидерами Коминтерна. В период с 1921 по 1923 год еще ни в коем случае нельзя говорить о единой теории фашизма в Коминтерне. В то время был в наличии целый ряд теорий, которых придерживались различные коммунистические идеологи. В те годы в Коминтерне еще было ярко выражено разнообразие мнений. Даже в организационном ядре Коминтерна велись споры об оценке феномена «фашизм». Одной из тем была оценка фашистского государственного переворота в Италии. Для Ленина, например, это событие вовсе не имело такого эпохального значения как для Радека. В своей речи на 4 конгрессе Коминтерна Ленин упомянул фашистский триумф только несколькими фразами. В его глазах победа фашистов в Италии являлась положительным уроком, преподанным рабочим массам: «Может быть, нам окажут большие услуги, например фашисты в Италии тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены, и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно»⁸⁶. Сравнение фашистов с черносотенцами – «народным движением», сфабрикованным не в последнюю очередь царской полицией в 1905 году – свидетельствует о том, что Ленину опять изменила его незаурядная политическая интуиция – как и год назад, когда он говорил о восстановлении равновесия в мире. Сравнение фашизма – еще небывалого в истории феномена – с явлением из довоенного времени неизбежно должно было привести к недооценке фашизма. К этому следует добавить, что черные сотни появились в доре-

⁸³ Там же. С. 544-546.

⁸⁴ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 317.

⁸⁵ См. Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 385-386; Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI. P. 185; Protokoll des IV. Kongresses der Komintern. P. 315.

⁸⁶ Ленин. Сочинения. Т. 45. С. 293; см. также Т. 44. С. 422.

волюционной России, то есть в стране с еще немодернизированной социальной структурой, и вследствие этого едва ли могли иметь точки соприкосновения с фашизмом послевоенного времени. В этом вопросе Троцкий придерживался другой точки зрения. Еще за несколько дней до похода на Рим он характеризовал фашизм как явление, которое не наблюдалось в царской России⁸⁷. На этом месте можно добавить, что Ленин пережил только начало дискуссии о фашизме. Уже в мае 1922 года с ним случился первый приступ, обрекший его в течение пяти месяцев на политическое бездействие.

После короткого периода улучшения между октябрём – декабрём 1922 последовал второй, а в марте 1923 года – третий инсульт, после которого он окончательно остался парализованным. Большевистская партия и Коминтерн вынуждены были проводить дискуссию о фашизме без Ленина. Этот факт имел чрезвычайно важное значение для этой дискуссии. Ленин уже при жизни был провозглашен большевистской партией и мировым коммунистическим движением «классиком марксизма». Правда, с момента возникновения большевистской партии Ленин постоянно был вынужден вести дискуссию с оппозиционными силами, а в определенные моменты даже почти вся партия находилась в «оппозиции» к Ленину. Но благодаря своей способности к логической аргументации, благодаря своей негибкой воле и способности в некоторых ситуациях продолжать борьбу даже в одиночку, Ленин вышел победителем из всех этих схваток. Постепенно он завоевал авторитет последней теоретической инстанции в партии и в Коминтерне. Но так как Ленин очень рано выбыл из рядов участников дискуссии о фашизме, то её пришлось продолжать без этой «последней теоретической инстанции». Тогда впервые началась борьба, затянувшаяся на годы, по вопросу о том, кому теперь должно принадлежать последнее слово в теоретических и политических вопросах, которыми занимались партия и Коминтерн. Споры о преемнике Ленина в период с 1922 по 1929 год, были фоном, на котором разворачивалась дискуссия о фашизме в Коминтерне. Не осветив этого фона трудно понять эту дискуссию⁸⁸. Тот факт, что распределение власти внутри большевистского руководства в период с 1922 по 1928/29 годы оставалось неясным, давал коммунистическим идеологами большой простор для теоретических импровизаций.

Довольно поверхностная позиция Ленина в вопросе о фашизме на 4 конгрессе Коминтерна, которая однозначно недооценивала фашизм, не была характерной для тогдашней дискуссии на данную тему, но она, конечно, неоднократно проявлялась. Тенденция недооценивать фашистскую опасность, которая наблюдалась в Коминтерне до похода на Рим, не исчезла полностью и после фашистского государственного переворота. Наряду с Лениным её представлял еще и Зиновьев, причем в еще более резкой форме. Он полагал, что в исторической перспективе государственный переворот, совершенный Муссолини, – это всего лишь

⁸⁷ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 454.

⁸⁸ Schieder. Faschismus. P. 454-455.

фарс. Его власть не способна продержаться дольше, чем несколько месяцев или лет. А затем пролетариат наверняка разрешит конфликт в свою пользу⁸⁹.

Высмеивание фашистов Зиновьевым напоминает такие же уничижительные замечания, высказанные Марксом по поводу личности Луи Бонапарта и его так называемой «декабрьской банды» в его работе «18 Брюмера Луи Бонапарта»⁹⁰. А между тем Луи Бонапарт принадлежал к первым политикам современности, которые показали, что противники революции иногда гораздо лучше владеют техникой обращения с массами, чем сами революционеры⁹¹. Большинство марксистов постоянно выражало изумление демагогическими и политическими успехами таких личностей, как Луи Бонапарт или Муссолини, что свидетельствует, как правило, о недостаточном понимании марксистскими теоретиками психологии масс. Они не осознали в такой мере, как некоторые противники революции, что амбивалентность в поведении масс ни в коем случае не исключает одновременного мятежа против авторитета и рабского подчинения ему⁹². И из этой амбивалентности массовой психологии многие противники революции извлекли немалую выгоду в 19-ом, и еще более того – в 20-ом веке.

С крайне интересным, и в то же время противоречивым анализом фашистского государственного переворота выступил на 4 конгрессе Коминтерна руководитель делегации КПИ Амадео Бордига. Подобно Радеку и Троцкому он указал на пассивность итальянского рабочего движения в борьбе против фашизма. Итальянские рабочие партии, в том числе КПИ, почти без сопротивления капитулировали перед напором фашизма. Но условия борьбы итальянских рабочих были в высшей степени неблагоприятны, так как фашистов поддерживала мощная коалиция, стремившаяся защитить существующий порядок всеми возможными средствами. Государственный аппарат оказывал фашистам почти безграничную поддержку, крупная буржуазия и крупные землевладельцы щедро финансировали их, а мелкая буржуазия снабжала движение необходимыми солдатами⁹³. Бордига критиковал тезис, имевший хождение в Коминтерне, что фашизм – это движение отсталых, немодернизированных слоев итальянского общества, инструмент землевладельцев. Он указывал на то, что фашизм зародился на высокоразвитом промышленном Севере Италии, а не на отсталом Юге: «С самого начала

⁸⁹ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 42.

⁹⁰ Karl Marx, Friedrich Engels. Werke. Berlin, 1959-1968. Vol. 8. P. 111-207.

⁹¹ См. Taylor A.J.P. Europe: Grandeur and Decline. L., 1974. P. 60-62.

⁹² Хотя марксистские теоретики и говорили о противоречивом и иррациональном поведении масс, они считали, что такого рода поведение характерно лишь для мелкобуржуазных слоев. См. Engels, Revolution und Gegenrevolution in Deutschland / MEW. Vol. 8. P. 98-102; Ленин. Сочинения. Т. 41. С. 14-15, 27-28; Zetkin C. Rede auf der Erweiterten Exekutive / Protokoll der Konferenz der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale. Moskau 12.-23. Juni 1923. Hamburg, 1923. P. 210; Trockij. Geschichte der russischen Revolution. Frankfurt/Main, 1973. P. 839. Того факта, что и рабочий класс, и буржуазия могут себя иррационально вести, пренебрегая своими собственными интересами, они, как правило, не учитывали. См. на эту тему Reich W. Massenpsychologie des Faschismus. Köln, 1971. P. 46-48.

⁹³ Bordiga, Referat auf dem 4. Kongreß der Komintern / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 337-340.

было ясно, что в Южной Италии не сможет сформироваться фашистское движение, причем по тем же причинам, по которым там не смогло возникнуть влиятельное социалистическое движение. Фашизм появляется не в Южной Италии, а именно там, где больше всего развито пролетарское движение и ярче всего проявляется классовая борьба»⁹⁴. Это в высшей степени важное указание Бордига на то, что о фашизме речь может идти только там, где уже сложились высоко-развитые социальные структуры, и прежде всего там, где уже существует сильное социалистическое рабочее движение, в позднейших коминтерновских дискуссиях о фашизме зачастую оставалось без внимания. Главная задача фашизма заключалась, по мнению Бордига, в защите «буржуазного» государства от социалистического вызова⁹⁵. «Буржуазное» государство в Италии ни в коем случае не было таким слабым, как это казалось в 1919/20 годах, продолжает Бордига. Господствующие слои всё еще располагали значительными средствами власти. Кризис 1919/20 годов в конечном счете охватил лишь традиционные методы управления, которые были недостаточны для борьбы с революционной опасностью. Традиционные политические группировки и партии «буржуазии» не доросли до уровня социалистического вызова. Задача выработать новые политические формы для защиты буржуазного строя выпала на долю фашистов. Для того чтобы объединить все силы господствующего класса под единым руководством, фашисты создали буржуазную партию нового типа. Это явилось самым значительным новшеством, которое они внесли в политическую жизнь Италии⁹⁶.

Понятие «партия нового типа» Бордига наверняка употреблял по аналогии с самодефиницией большевиков, которые называли свою партию «пролетарской партией нового типа»⁹⁷. По мнению Бордига, «партии нового типа» отличаются от остальных следующими признаками: они концентрируют в своих руках всю исполнительную власть государства, чтобы более эффективно представлять интересы тех классов, которые за ними стоят. Они не терпят рядом с собой никаких других партий, даже тех, что представляют интересы тех же самых классов, что и они. Они выступают от имени того или иного класса в целом, когда власть этого класса оказывается под угрозой. Другими словами, Бордига утверждал, что фашисты будут защищать интересы буржуазии так же решительно и отчаянно, как большевики защищали свою власть в интересах пролетариата. Вследствие этого большевики должны быть готовы к длительной борьбе⁹⁸. Однако трезвая и реалистическая оценка фашистского государственного переворота сочеталась у Бордига с недооценкой этого события. Вольфганг Шидер определенно неспра-

⁹⁴ Ibid. P. 336.

⁹⁵ Ibid. P. 337-342.

⁹⁶ Ibid. P. 337-342, 347.

⁹⁷ Ленин. Сочинения. Т. 44. С. 420; Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 26-27, 540-541.

⁹⁸ Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 341-342, 347, 349. Высказывания Муссолини незадолго до «марша на Рим» подтверждают, что опасения Бордига были обоснованы: «Мы не можем обещать свободу тем, кто ее использует лишь для того, чтобы нас уничтожить», утверждал фашистский лидер (Mussolini B. Schriften und Reden. Zürich, 1935. Vol. 2. P. 324.)

ведлив по отношению к Бордиге, когда он его ставит в один ряд с Зиновьевым, полагая, что Бордига, как и Зиновьев, упрощал проблему фашизма⁹⁹. Изложенная выше часть анализа фашизма, принадлежащая Бордиге, свидетельствует о том, что он ни в коей мере не относится к категории упрощателей. Но верно и то, что его интерпретации фашизма присущи весьма значительные слабости, которые привели его к недооценке фашизма. Дело в том, что Бордига не видел качественной разницы между вновь возникшим фашистским режимом и другими «буржуазными» формами правления. Все они представляли для него различные формы диктатуры «буржуазии»¹⁰⁰. Фашизм не имеет новых социальных идей, он будет пытаться осуществить традиционную буржуазную программу – правда, новыми политическими методами, говорил Бордига¹⁰¹. Поэтому он отказывался рассматривать фашистский государственный переворот как качественный скачок. Содержание похода на Рим исчерпывалось для него всего лишь сменой правительства, а не являлось переворотом¹⁰².

В этом пункте мнение Бордиги разделял также Умберто Террачини. Сразу же после похода на Рим Террачини сказал, что это событие нельзя рассматривать ни как революцию, ни как государственный переворот¹⁰³. В Италии ничего принципиально не изменилось, классовая ситуация осталась прежней. Смысл фашистской акции состоял в восстановлении буржуазной государственной власти. Фашисты еще до захвата власти исполняли функции, делегированные им «буржуазным» государством. Путем захвата власти нелегальные фашистские объединения оказались включенными в государство, и дуализм органов, требовавший больших государственных затрат и порождавший время от времени дисгармонию, был устранен. Состояние, существовавшее в Италии еще до похода на Рим и выражавшееся в сотрудничестве фашистов с консервативными слоями, оказалось наконец легализованным благодаря акции 28 октября 1922 года¹⁰⁴. Недооценка противоречий между фашистским движением и консервативной элитой Италии, проявленная Бордигой и Террачини, разделялась леворадикальным большинством руководства ИКП¹⁰⁵.

Относительно бескровный характер фашистского государственного переворота и довольно мягкое обращение с оппозиционными партиями, в том числе и коммунистами, со стороны нового фашистского правительства дало новую пита-

⁹⁹ Schieder. Faschismus. P. 455.

¹⁰⁰ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 341-343.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid. P. 341f., 347.

¹⁰³ Terracini U. Die faschistische Revolution // Inprekorr. 11.11.1922. Nr. 217. P. 1543-1544, Nr. 218. 14.11.1922. P. 1551-1553.

¹⁰⁴ Terracini U. Die faschistische Revolution. P. 1543-1544.

¹⁰⁵ См. Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI; См. также речь Карла Радека на 4-ом конгрессе Коминтерна (Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 310f.); См. также Aqulia G. Der Faschismus an der Macht // Die Kommunistische Internationale. Nr. 24-25. 15.3.1923. P. 62; Clara Zetkin, Rede auf der Erweiterten Exekutive der Komintern / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 204.

тельную почву тезису левого большинства ИКП о том, что фашизм якобы ничего принципиально не изменил в политической жизни страны. Даже такой дальновидный исследователь фашизма как венгерский коммунист Дж. Аквила был удивлен таким ходом развития. В марте 1923 года он писал: «Явлением, которое наверняка многих удивило, была... безобидность фашистской "революции"... Муссолини не только отнесся с уважением к конституционным институтам "старого государства",... но и с самого начала запретил какое бы то ни было насилие по отношению к "красным" рабочим... и если "бескровная революция", как Муссолини охотно называет государственный переворот фашистов, не протекала совсем уж бескровно, она всё же была намного бескровнее, чем можно было ожидать»¹⁰⁶. Идеологи Коминтерна проходили мимо такого обстоятельства как то, что и октябрьская революция протекала относительно бескровно, так как она, подобно походу на Рим, в конечном счете была заключительным актом продолжительного процесса выхолащивания и упадка государственной власти¹⁰⁷. Поход на Рим, как справедливо говорил Террачини, завершал период двоевластия в Италии, во время которого царила неясность относительно распределения политической компетенции в итальянском государстве¹⁰⁸. Но и октябрьская революция завершила восьмимесячную фазу двоевластия в России. Как Ленин, так и Муссолини характеризовали состояние, при котором практически существовали рядом друг с другом два правительства (временное правительство и Советы в России, либеральное правительство и фашистское движение в Италии) как невыносимое и считали, что только захват всей власти их собственной партией может положить конец этому состоянию¹⁰⁹. Как октябрьское восстание большевиков, так и поход на Рим воплощали радикальный разрыв с прошлым. Тот факт, что оба эти государственных переворота протекали относительно гладко, не снижает их эпохального значения. Левое крыло КПИ не хотело признать за фашистским государственным переворотом такого значения. В этом оно было единодушно с мировой общественностью. Как либеральные, так и консервативные силы западного мира вовсе не видели в фашизме такого вызова, который по степени опасности сравним с большевизмом¹¹⁰. Идею интервенции, крестового похода против

¹⁰⁶ Aquila. *Der Faschismus an der Macht*. P. 71. См. также речь Бордиги на 5-ом конгрессе Коминтерна (Protokoll. Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1925. Vol. 2. P. 723.)

¹⁰⁷ См. Flechtheim O. *Die Kommunistische Partei Deutschlands in der Weimarer Republik*. Frankfurt/Main, 1969. P. 182; Trockij. *Geschichte der russischen Revolution*; Suchanow N. 1917. *Tagebuch der russischen Revolution*. München, 1967.

¹⁰⁸ Terracini. *Die faschistische Revolution / Inprekorr*. 11.11.1922. Nr. 217. P. 1543-1544, Nr. 218. 14.11.1922. P. 1551-1533ff. О «двоевластии», царившем в Италии в предверие «Марша на Рим», говорит также советский историк Борис Лопухов (Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 43).

¹⁰⁹ Ленин. *Сочинения*. Т. 32. С. 267; Mussolini. *Opera*. Vol. 16. P. 212f.; О такого рода параллелях говорил в начале 1930-х года также и немецкий правовед Hermann Heller (*Europa und der Faschismus*. Berlin, 1931. P. 43).

¹¹⁰ См. Cassels A. *Mussolini's Early Diplomacy*. Princeton N.J., 1970. P. 10-12; Nolte E. *Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschisten*. München,

фашистского режима в Италии, сравнимую с идеей крестового похода против большевизма, в тогдашней Европе невозможно было представить¹¹¹. Сопrotивление против фашистской диктатуры внутри Италии было меньше, чем сопротивление против большевистского режима в России. Таким образом фашисты, в отличие от большевиков, не были вынуждены вести ожесточенную борьбу за сохранение своей власти сразу после её захвата. И поэтому радикализация фашистской диктатуры протекала намного медленнее, чем большевистской¹¹². Так что многие наблюдатели, в том числе и представители левой фракции КПИ, не могли правильно оценить истинное значение того перелома, который представлял собой поход на Рим¹¹³. Но такое безобидное отношение к фашистскому государственному перевороту было всё же отнюдь не преобладающим в Коминтерне в период с 1921 по 1923 год.

Непосредственно после похода на Рим некоторые теоретики Коминтерна сразу поняли, какую притягательную силу должно иметь это событие для всех антимарксистских сил в Европе. В своей речи на 4 конгрессе Зиновьев сказал, что у него нет никаких сомнений в том, что пример итальянского фашизма повлечет за собой сходные явления в Германии и возможно во всей Восточной и Средней Европе. Не исключено, что скоро во всей Восточной Европе Коминтерну придется столкнуться с целым рядом государственных переворотов, носящих более или менее фашистский характер. Вследствие этого для коммунистических партий данных стран может начаться период нелегальности, к которому коммунистам надо начинать готовиться уже сейчас¹¹⁴. Еще более тревожным было предостережение немецкого коммуниста А. Якобсена, который 15 ноября 1922 года писал в центральном органе КПГ «Ди Интернационале»; «несмотря на то, что у фашизма много специфически итальянских черт, по своей сущности он интернационален»¹¹⁵.

Якобсен особо указал на возможность роста немецкого фашизма: «То, что национал-социалист Гитлер способен собрать под своим знаменем тысячи рабочих и вынудить под давлением стоящих за его спиной масс к отставке Лерхенфельда (баварского премьер-министра – Л.Л.), является предостережением... КПГ должна учесть этот сигнал идеологической перестройки широких слоев мелкой буржуазии и пролетариата, иначе ей придется внезапно, без подготовки, столкнуться

1966. P. 77ff.; Gregor, *The Ideology of Fascism*. P. 376-380; Michels R. *Sozialismus und Fascismus in Italien*. München, 1925. Vol. 2. P. 316.

¹¹¹ Cassels. *Mussolini's Early Diplomacy*. P. 10ff., 17; Nolte. *Die faschistischen Bewegungen*. P. 77-78, 82-84; Необходимо, однако, подчеркнуть, что некоторые европейские мыслители довольно рано осознали, что фашизм является для парламентской демократии не меньшей угрозой чем большевизм. К такого рода мыслителям принадлежал немецкий социолог Альфред Вебер. Weber Alfred. *Die Krise des modernen Staatsgedanken in Europa*. Stuttgart, 1925. P. 120-121.

¹¹² См. на эту тему интервью, которое немецкий журналист Эмиль Людвиг провел с Муссолини в 1932 году. Ludwig E. *Mussolinis Gespräche*. Berlin, 1932. P. 100-101.

¹¹³ См. На эту тему Michels R. *Sozialismus und Fascismus in Italien*. Vol. 2. P. 316.

¹¹⁴ *Protokoll des 4. Kongresses der Komintern*. P. 57.

¹¹⁵ Jacobsen A. *Der Faschismus // Die Internationale*. 15.11.1922. P. 304.

с движением, опасность которого сегодня едва ли можно оценить по достоинству»¹¹⁶. Как справедливо заметил Джон Кэммет, коммунистические теоретики были одними из первых, указавшими на международный характер фашизма¹¹⁷. Но это понимание, однако, было связано с тенденцией видеть «фашизм» почти во всех «капиталистических» странах, вследствие чего изначальное истолкование международной сущности фашизма значительно снижалось. Правда, в 1921-1923 годах эта тенденция еще не была в Коминтерне преобладающей, но она, вне всякого сомнения, существовала. Как пример такой тенденции можно привести резолюцию 4-го Конгресса Коминтерна о фашизме. В этой резолюции итальянский фашизм характеризуется как «классический фашизм» и содержится указание на то, что опасность фашизма существует во многих странах, например, в Чехословакии, в Венгрии, на Балканах, в Германии, Англии, Франции и в Соединенных Штатах¹¹⁸.

Итальянский фашизм и возможное следование его примеру со стороны антимарксистских сил в других европейских странах большевистские вожди рассматривали как опасность, которая в конечном счете затрагивала западный пролетариат. Для Советской России они не видели в нем никакой угрозы. Большевистские вожди считали внешнеполитическое положение советского государства к моменту фашистского переворота как никогда прочным. В своей речи по поводу пятой годовщины Октябрьской революции Троцкий характеризовал только что произошедшую отставку Ллойд Джорджа в Лондоне как любезный подарок европейской «буржуазии» к пятилетию существования советского государства. Правительство Ллойд Джорджа было единственным европейским правительством, простоявшим у власти дольше, чем советское. А разве не считали противники большевиков наименее стабильным именно советское правительство, иронически спрашивал Троцкий¹¹⁹. 31 октября 1922 года Ленин отмечал как победу советской внешней политики тот факт, что советская делегация должна была участвовать в мирной конференции держав-победительниц и Турции в Лозанне¹²⁰. Это была первая мирная конференция, посвященная новому порядку в Европе после войны, которая должна была проходить при участии советской делегации. Эта ускорившаяся нормализация отношений между советской Россией и Западом должна была, по мнению Троцкого, в ближайшем будущем проходить еще быстрее. В конце октября 1922 года Троцкий обосновал эту надежду предсказанием, что в главных странах-победительницах – в Англии и во Франции – к власти должно вскоре прийти «примиренческое» крыло «буржуазии». Для обеих этих стран Троцкий предсказал коалиционные правительства социал-демократов и либералов. От этих правительств, которые он сравнивал с правительством Керен-

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ Cammett J.M. *Comunist Theories of Fascism* // *Science and Society*. 1967. Nr. XXXI. P. 157.

¹¹⁸ Resolution über den Faschismus auf dem 4. Kongreß der Komintern // *Inprekorr*. 19.12.1922. Nr. 240. P. 1807.

¹¹⁹ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 453; см. также Чичерин. Статьи и речи. С. 233-234.

¹²⁰ Ленин. Сочинения. Т. 45. С. 245-246.

ского в России, он ожидал еще больших уступок Советской России. Это смещение влево в Англии и во Франции с точки зрения Троцкого в определенном смысле уравновешивало поворот вправо, осуществившийся в Италии в результате победы фашизма¹²¹.

Однако даже в фашистской Италии советское руководство обнаружило тенденцию к нормализации отношений с Советской Россией, которую оно безоговорочно приветствовало. Представитель советского правительства в Риме, Воровский, сообщал о разговоре, который состоялся 15 ноября 1922 года между ним и Муссолини. В нём Муссолини намекнул на свое намерение сблизиться с Советским Союзом. Он сказал, что советское правительство является сильным, и все разговоры о его свержении бессмысленны. Италия собирается действовать на основе реальных интересов, а не под влиянием гуманистических чувств. Из этих соображений Италия может признать советское правительство де-юре. Воровский полагал, что Муссолини способен на такое признание. При этом решающее значение для Воровского имело наверняка то, что Муссолини как диктатор с большей лёгкостью мог противостоять давлению итальянского общественного мнения, чем парламентское правительство. Разумеется, Муссолини признает советское правительство не просто так. Он потребует за это торговые привилегии и другие экономические уступки. Но эти уступки, несомненно, окупятся для советского государства, заключал Воровский свой доклад¹²². Главный редактор *Известий*, Стеклов, тоже выдвигал в своей статье от 26 ноября 1922 года тезис о том, что Муссолини будет стремиться к нормализации отношений с Советской Россией: «Как представитель крайней буржуазной реакции Муссолини, конечно, не может питать особой симпатии к рабоче-крестьянскому правительству России. Но в данном случае он должен руководствоваться национальными соображениями. Итальянская буржуазия, находясь под угрозой внутренней и внешней опасности, естественно стремится как укрепить свое положение внутри страны, так и расширить сферу влияния итальянского капитала за ее пределами... И если во внутренней политике Муссолини еще может поддаваться воздействию политического романтизма, то в вопросах внешней политики он должен быть гораздо большим реалистом, чем глава любого прежнего буржуазного правительства в Италии, могущего опереться на государственные "традиции", в то время как на стороне Муссолини нет такого рода традиций. И этот реализм вынуждает его, несмотря на всю агрессивность, действовать в международных вопросах относительно осторожно. Итальянский капитал надеется найти в Советской России весьма выгодную сферу сбыта. И Муссолини, жадно ищущий источники такого рода, чтобы укрепить свое политическое влияние, конечно же обращает свои взоры на советскую федерацию»¹²³.

¹²¹ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 454, 498-499.

¹²² Документы внешней политики СССР. М., 1961-1973. Т. 5. С. 688-689.

¹²³ Inprekorr. 28.12.1923. Nr. 180/181. P. 1526.

Исходя из этого можно сделать обобщение, что фашистский государственный переворот ничуть не поколебал убеждение советского руководства в прочной позиции советского государства в мире.

5. Анализ тактики, структуры и идеологии правоэкстремистских массовых движений Коминтерном после похода на Рим

Мобилизация масс фашизмом

Уже до похода на Рим некоторые теоретики Коминтерна указывали на то, что фашистские методы борьбы сильно отличаются от методов, присущих традиционным «буржуазным» противникам рабочего движения.

Вследствие «похода на Рим» анализу этих методов борьбы уделялось, естественным образом, еще большее внимание. Радек, Аквила, Клара Цеткин и другие идеологи Коминтерна усиленно подчеркивали, что фашизм представляет собой принципиально новую форму «контрреволюции», которая резко отличается от всех прежних. Аквила предостерегал от обобщения понятия «фашизм»: «Слово (фашизм – Л.Л.) сегодня стало слишком модным, им злоупотребляют. С его помощью характеризуют все контрреволюционные тенденции и движения, не вникая в сущность фашизма»¹²⁴.

Клара Цеткин, в свою очередь, возражала против приравнивания таких консервативных диктатур, как диктатура Хорти в Венгрии, к фашизму: «...несмотря на то, что кровавые, террористические методы фашизма и режима Хорти одни и те же, историческая суть обоих явлений чрезвычайно различна»¹²⁵. Для многих теоретиков Коминтерна новое в фашизме заключалось прежде всего в его способности обращаться с массами, умения мобилизовать их для достижения собственных целей¹²⁶.

Уже упомянутый немецкий коммунист Якобсен говорил в ноябре 1922 года: «Надо подчеркнуть, что на сегодняшний день фашизм ни в коем случае не является движением, носителем которого выступают лишь буржуазные элементы и люмпен-пролетариат. Его фундамент составляют широкие слои крестьянства и мелкой буржуазии, а также рабочих, идеология которых носит мелкобуржуазно-синдикалистский характер»¹²⁷. Другой коммунистический автор в то же самое время писал: «Из организации крупной буржуазии, которая оплачивала наемни-

¹²⁴ Aquila. Der Faszismus an der Macht. P. 62.

¹²⁵ Protokoll des 3. Plenums des ЕККІ. P. 204.

¹²⁶ Понятие „The new european right“ (The European Right / Ed. E. Weber. Univ. Calif. Press, 1965), которым пользуются современные исследователи фашизма, не отличается, в принципе, от понятия «новая форма контрреволюции», которое теоретики Коминтерна употребляли для определения характера итальянского фашизма.

¹²⁷ Jacobsen. Der Faszismus. P. 302.

ков для "усмирения" подёнщиков и рабочих, партия фашистов все больше превращается в демократическую массовую организацию»¹²⁸.

Тезис итальянского историка Ренцо де Феличе о мобилизующем эффекте фашизма, достигнутом в массах, встретил серьезное сопротивление со стороны итальянских историков-марксистов в последние годы¹²⁹. Некоторые теоретики Коминтерна пришли, однако, к такому же выводу на многие десятилетия раньше. Для них чрезвычайная опасность итальянского фашизма заключалась в том, что он апеллировал к тем же слоям населения, в которых видели свой потенциал и коммунисты¹³⁰. Некоторые идеологи Коминтерна полагали, что эти слои отчасти добровольно присоединились к фашистскому движению. Фашисты импонировали им своей сплоченностью и энергией. Эти качества бесполезно было искать у итальянских социалистов и коммунистов, и поэтому данные слои в разочаровании отвернулись от них, утверждали некоторые идеологи Коминтерна. По мнению Радека, фашисты проявляли «непоколебимую волю к власти». Они утверждали, что социализм обанкротился, так как он неспособен внести ничего нового в политическую жизнь Италии. И если сейчас фашизм без малейшего сопротивления победил рабочих, продолжал Радек, то это означает, что итальянское рабочее движение достигло самого низшего пункта в своем развитии¹³¹.

Подражание большевистским методам со стороны фашистов

Коммунисты с удивлением констатировали, что итальянские фашисты в своей борьбе за власть переняли многие большевистские методы. 1 ноября 1922 года коммунистический автор с инициалами П.О.-и. писал по этому поводу: «Фашисты разделили всё население Италии на три группы: первая – нейтралы, они сидят, как правило дома, и ни во что не вмешиваются; вторая – симпатизирующие, эти должны активно участвовать в борьбе; третья группа – противники, у них не должно быть никаких прав, и их необходимо преследовать. Не заключено ли в этом нечто такое, что напоминает большевизм, особенно в периоды обострения революционной ситуации? И в самом деле, фашизм и большевизм используют одинаковые методы борьбы. Обоим безразлично, является ли то или иное дейст-

¹²⁸ Р. О-и, *Der Faschismus // Die kommunistische Internationale*. 1.11.1922. P. 99. См. также Aquila G. *Der Faschismus in Italien*. Hamburg, 1923. P. 8; Clara Zetkin / *Protokoll des 3. Plenums des EKKI*. P. 205)

¹²⁹ См. Petersen J. *Zum Stand der Faschismuskussion in Italien / De Felice. Der Faschismus*. P. 114-144; Ledeen M. *Renzo De Felice and the Controversy over Italian Fascism // Journal of Contemporary History*. 1976. October. Vol. 11. Nr. 4. P. 269-283; Thamer H.-U. *Ansichten des Faschismus // Neue Politische Literatur*. 1977. P. 18-35; Gregor A.J. *Professor Renzo De Felice and the Fascist Phenomenon // World Politics*. 1977. P. 436-438.

¹³⁰ См. Карл Радек // *Protokoll des 4. Kongresses der Komintern*. P. 310-314; Он же. *Die internationale Lage, das Abflauen der kapitalistischen Offensive und die Aufgaben der Kommunistischen Internationale // Die Kommunistische Internationale*. 15.8.1923. P. 36-38; Jacobsen. *Der Faschismus*. P. 302-303.

¹³¹ Радек / *Protokoll des 4. Kongresses der Komintern*. P. 310-314. См. также Clara Zetkin / *Protokoll des 3. Plenums des EKKI*. P. 209.

вие законным или незаконным, демократическим или недемократическим, справедливым или несправедливым. Они напрямик идут к цели, топчут ногами законы, сносят все границы и подчиняют всё своей задаче. Из этого, конечно же, не следует, что фашизм просто подражает нашим методам. Несомненно, что многие новшества введенные русскими большевиками, как бактерии, носятся в воздухе, и им непроизвольно подражают худшие враги России»¹³². В таком же смысле высказывался и Бухарин в своей речи на 12 съезде большевистской партии в апреле 1923 года: «Для методов борьбы фашистов характерно, что они больше какой-либо другой партии использовали в своих интересах опыт русской революции. Если рассматривать их с формальной точки зрения, то есть, с точки зрения техники их политической деятельности, то у них можно обнаружить точную копию большевистской тактики, например, быструю концентрацию сил, создание мощной военной организации, беспощадное уничтожение противника, если это необходимо и если того требуют обстоятельства»¹³³. Хотя некоторые большевики и признавали, что их тактика послужила образцом для фашизма, они отвергали, тем не менее, какую бы то ни было ответственность за зарождение фашизма. Детонатором беспримерного в новейшей европейской истории разгула фашизма они считали мировую войну¹³⁴. На «капиталистические» правительства, виновные в развязывании мировой войны, они возлагали и ответственность за подъем фашизма. Клара Цеткин полемизировала с социал-демократами, которые пытались возложить часть вины за зарождение фашизма на коммунистов: «Для них (социал-демократов) фашизм является террором, насилием, причем именно буржуазным отражением насилия, которое исходило от пролетариата против буржуазного общества... Для господ реформистов русская революция играет ту же роль, что и вкушение запретного плода в раю для верующих в Библию. Она рассматривается как исходный пункт всех террористических явлений современности. Как будто не было разбойничьей империалистической, войны и не существует классовой диктатуры буржуазии!»¹³⁵. Ленин говорил, в свою очередь, о наивности европейских правительств, которые надеялись, что война, в которой они повинны, пройдет для них безнаказанно¹³⁶.

Утрата контроля над происходящим – это и есть наказание за близорукость зачинщиков мировой войны¹³⁷. Эту отчасти справедливую аргументацию большевиков можно обвинить в некоторой непоследовательности. Методы, которые

¹³² P.-O.i. Der Fascismus. P. 98; См. также Bordiga // Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 347.

¹³³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 273. Также и многие социал-демократы говорили о сходствах между тактикой большевиков и фашистов. См. передовую статью «Фашистская контрреволюция // Социалистический вестник. 21.11.1922; Слуцкий Б. Фашизм // Социалистический вестник. 23.7.1923.

¹³⁴ См. Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 83-84; Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 206.

¹³⁵ Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 206.

¹³⁶ Ленин. Сочинения. Т. 26. С. 237, Т. 30. С. 136, Т. 37. С. 74-75.

¹³⁷ Там же. Т. 37. С. 74-75, Т. 31. С. 11.

большевики применяли во время русской революции и гражданской войны, придали эскалации насилия, развязанной мировой войной, качественно новые моменты. Было наивно и близоруко верить в то, что эта новая ступень в эскалации насилия не повлечет тяжелых последствий для своих же собственных зачинателей. Но так же, как зачинатели первой мировой войны с неизбежностью потеряли контроль над ими же самими порожденными процессами, так и большевики не могли надолго удержать под контролем процессы, ими самими вызванные к жизни. Появление итальянского фашизма не в последнюю очередь являлось следствием процессов, непреднамеренно развязанных большевиками. Фашистские карательные экспедиции были новой ступенью в развитии процесса эскалации насилия, начавшегося в 1914 году. Ответственность за возникновение фашистского движения несли как зачинатели первой мировой войны, так и зачинатели большевистской революции.

Вторая параллель между тактикой большевиков и правых экстремистов заключалась в их установке по отношению к так называемой «буржуазной» или «формальной» легальности, которую оба движения отвергали. По этой причине унижения, которым итальянский парламент подвергся со стороны фашистов после похода на Рим, вызвали у некоторых лидеров Коминтерна даже удовлетворение. В декабре 1922 года Троцкий говорил, что фашистский государственный переворот показал европейскому пролетариату, как мало можно полагаться на принципы и нормы «буржуазной» демократии, если обостряется классовая борьба. Италия – это культурная нация, с демократическими традициями, со всеобщим избирательным правом, и т.д. И всё же итальянская буржуазия, почувствовав угрозу со стороны пролетариата, не раздумывая связала себя с фашизмом, который публично насмеялся над парламентаризмом¹³⁸. В своем докладе на 4 конгрессе Коминтерна Зиновьев тоже считал, что события в Италии чудовищно дискредитировали «буржуазную» демократию, которая капитулировала перед фашизмом¹³⁹. Здесь следует заметить, что то, как сами большевики изначально издевались над «формальной» легальностью, не намного отличалось от того, что делали фашисты. Троцкий, например, говорил в 1921 году: «Мы подчиняемся капиталистической легальности... но каким образом? Лишь в той степени, в какой мы к этому принуждены. В то же время мы смеемся над буржуазной легальностью и создаем нелегальные органы для её разрушения»¹⁴⁰. Способ, посредством которого большевики расправились с избранным в ноябре 1917-го года и созванном в январе 1918 года Учредительным собранием, с его подавляющим небольшевистским большинством, ненамного отличается от обращения Муссолини с итальянским парламентом. Разница была лишь в том, что Муссолини лишал парламент его ав-

¹³⁸ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 556-557.

¹³⁹ Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 57. См. на эту тему также Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 171. Poulantzas, N. Faschismus und Diktatur. Die Kommunistische Internationale und der Faschismus. München, 1973. P. 358.

¹⁴⁰ Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 219-220.

торитета постепенно, а большевики разогнали Учредительное собрание немедленно¹⁴¹. На параллели в поведении большевиков и фашистов в отношении их парламентов указал сам Троцкий непосредственно после похода на Рим: «Муссолини является уроком, преподанным Европе в отношении демократии, её принципов и методов. В некоторых отношениях этот урок аналогичен – конечно, как – противоположная крайность – тому, который мы преподали Европе в начале 1918 года, разогнав Учредительное собрание»¹⁴².

Большевистская установка по отношению к «буржуазной» легальности сначала была взята на вооружение западными коммунистами. Но им это, особенно в Италии и в Германии, никаких особых успехов не принесло. Итальянские фашисты и национал-социалисты однозначно превосходили коммунистов на поприще борьбы нелегальными средствами, они их применяли эффективнее и более умело. Хотя они порывали с существующей правовой системой не менее радикально чем коммунисты, они в то же время подчеркивали, что ведут свою борьбу, применяя даже нелегальные средства, только ради восстановления порядка и власти и для восстановления мощи нации. Это применение насилия с «конструктивными» целями фашистские и национал-социалистские вожди называли оправданной реакцией на применение насилия слева, которое, по их мнению, влекло за собой лишь анархию и разрушение. Муссолини говорил в ноябре 1920-го года: «После социалистического экстремизма фашизм возник как логическая, справедливая, ... ответная карательная мера. Фашизм ответил насилием на насилие»¹⁴³. На своем мюнхенском процессе в феврале 1924 года Гитлер, в свою очередь, называл самого себя вождем революции против революции¹⁴⁴.

Но, как уже говорилось, не одни только фашисты и национал-социалисты видели качественное различие в применении насилия справа и слева. К этому воззрению присоединились и многие влиятельные представители консервативных группировок в Италии и в Германии, которые гораздо более решительно вели борьбу с применением насилия слева, чем справа. Ввиду такого положения нелегальная борьба итальянских и немецких коммунистов едва ли могла иметь шансы на успех. Антонио Грамши предостерегал рабочие партии от попытки конкурировать с правыми экстремистами в применении нелегальных средств борьбы: «В политической борьбе никогда нельзя подражать методам борьбы господствующего класса... Полагать, что нелегальной активности господствующих элит можно противопоставить другую сходную активность со стороны рабочего класса, совершенно необоснованно... Класс, который ежедневно в одно и то же время должен быть на работе, не может иметь специализированных постоянных

¹⁴¹ Miljukov P. Rußlands Zusammenbruch. Stuttgart, 1925-26. Vol. 1. P. 50-51; Чернов В. Перед бурей. Воспоминания. Нью Йорк, 1953. С. 356-366.

¹⁴² Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 556.

¹⁴³ Mussolini. Schriften und Reden. Vol. 2. P. 113; смотри также P. 302.

¹⁴⁴ Adolf Hitlers Reden / Ed. E. Voepple. München, 1934. P. 110. Интересное психологическое объяснение такого поведения правых экстремистов можно найти в статье психолога Henry Lowenfelda (Zur Psychologie des Faschismus // Psyche. 1977. Nr. 6. P. 570).

штурмовых организаций подобно классу, располагающему намного превосходящими финансовыми средствами, и все члены которого не связаны постоянным трудом»¹⁴⁵.

«Мелкобуржуазная» идеология фашизма

С самого начала дискуссии о фашизме в Коминтерне, как уже говорилось, можно констатировать наличие противоречия между двумя различными основными позициями, принципиально по-разному определявшими характер фашизма. В первом случае речь идет о тенденции упрощенно видеть в фашизме только инструмент «капитала», лишенный какой бы то ни было самостоятельности. Вторая отдаст должное сложности такого явления как «фашизм». Автономность правоэкстремистских массовых движений для неё является самоочевидной. Эта автономность объясняется тем, что фашизм представляет собой движение «мелкой буржуазии», интересы которой никак не совпадают с целями «крупного капитала»¹⁴⁶. Однако и представители теории о «мелкобуржуазном» характере фашизма проявляли склонность к его недооценке. Уже само понятие «мелкобуржуазный» предполагает такого рода недооценку. Марксистская идеология определяет мелкую буржуазию как класс, который восприимчив к иллюзиям, нестабилен и склонен к шатаниям. Сторонники теории о «мелкобуржуазном» характере фашизма в большинстве своем придерживались марксистского тезиса о разделении общества на буржуазию и пролетариат. И только эти два класса определяли для них по-настоящему классовую борьбу. Любая политическая группировка со временем должна присоединиться либо к пролетарскому, либо к буржуазному лагерю. Независимые выступления фашистов – это лишь преходящее явление. Скоро сами они должны понять, что их независимость в значительной мере существует только в воображении¹⁴⁷. Клара Цеткин, Карл Радек, Джулио Аквила и другие теоретики Коминтерна, по достоинству учитывавшие революционную динамику, сложную структуру и тактическую новизну правоэкстремистских массовых движений, утрачивали всю свою аналитическую остроту, когда речь заходила о «мелкобуржуазной» идеологии фашизма. Эта идеология рассматривалась ими

¹⁴⁵ Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 343.

¹⁴⁶ См. Карл Радек / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 311-313; он же. Die internationale Lage. P. 36-38; Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 209-211; Gramsci. Philosophie der Praxis. P. 108-110. О мелкобуржуазном характере правоэкстремистских движений говорят также и многие некоммунистические исследователи фашизма. См. Löwenthal P. (Paul Sering). Der Faschismus // Zeitschrift für Sozialismus. 1935. September/Oktober. Nr. 24/25. P. 784; Faschismus als soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich / Ed. W. Schieder. Hamburg, 1976. P. 18; Linz J. Some Notes Toward a Comparative Study of Faschism / Fascism: A Readers' Guide. Anlysis. Interpretations. Bibliography // Ed. W. Laqueur. Berkeley, 1976.

¹⁴⁷ См. Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 224; Radek. Der internationale Faschismus und die Kommunistische Internationale // Inprekorr. 9.7.1923. P. 1013.

как беспорядочное и бессмысленное создание. И как следствие она не заслуживала серьезного анализа¹⁴⁸.

Большевистский теоретик Н.Иорданский относился к немногочисленным идеологам Коминтерна, которые возражали против столь упрощенного тезиса. В 1923 году он предпринял одну из первых попыток в рамках Коминтерна серьезно исследовать фашистскую идеологию, опубликовав статью «Судьбы фашизма». Иорданский утверждал, что фашизм вне всякого сомнения обладает самостоятельной идеологией, которая не только оправдывает существующую систему, но и провозглашает новые принципы. Идеологически фашизм имеет наступательный характер, он пытается обратить массы в свою веру и считает себя творцом новых истин. Согласно Иорданскому, идеология фашизма заключается в первую очередь в борьбе «деревни», «провинции» против «декадентского» города. Духовным предтечей фашизма Иорданский считал Освальда Шпенглера с его учением о закате западной цивилизации и необходимости обновления европейской культуры теми слоями, которые мало связаны с «упадочным» мировым городом. Фашистская идеология, по мнению Иорданского, несет на себе отпечаток крестьянских и мелкобуржуазных сторонников этого течения. Для этих масс населения парламент представляется местом бесполезных, абстрактных дискуссий, учреждением, в котором борются друг с другом непримиримо противоречивые интересы, из-за чего парламент становится неспособным к принятию решений. Новая фашистская диктатура воплощала для этих масс форму правления, способную быстро принимать решения и покончить с бесполезными парламентскими дискуссиями. Массы также питали надежду, что фашизм сможет сломать власть изживших себя бюрократических каст и обновить государственный аппарат за счет привлечения новых «маленьких» людей¹⁴⁹. Этот в высшей степени интересный анализ фашистской идеологии в определенной степени предвосхищал распространенную в современной западной историографии теорию фашизма как движения, воплощавшего в себе страх перед «декадансом» и модернизацией¹⁵⁰. Но тезисы Иорданского не имели заметных последствий для дальнейшей разработки теории фашизма в Коминтерне. Теоретики, которые либо „изображали фашистскую идеологию как олицетворение абсурда либо вовсе отрицали её

¹⁴⁸ См. Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 210; Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 341; Radek. Der nahe Bankrott der deutschen Bourgeoisie // Inprekorr. 3.8.1923. Nr. 128. P. 117. О недооценке самостоятельного характера фашистской идеологии пишет исследователь итальянского фашизма А. James Gregor (The Ideology of Fascism. The rationale of totalitarianism. N.Y. 1969. P. 10-12).

¹⁴⁹ Иорданский Н. Судьбы фашизма/Мещеряков Н. Мировой фашизм. Сборник. М.-Петроград, 1923. С. 69-93. Однако и в анализе Иорданского можно найти ряд ошибочных постулатов. Он считал например крестьянство важнейшей социальной базой фашизма (с. 90-93), что, как известно, не соответствовало фактам.

¹⁵⁰ См. Turner H.J. Jr., Fascism and Modernization // World Politics. 1972. P. 547-564; Fest, J.C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1973. P. 129-131; Alff W. Der Begriff des Faschismus und andere Ansätze zur Zeitgeschichte. Frankfurt/Main, 1971. С. 45-50.

существование, даже в самую плодотворную фазу развития теории фашизма в Коминтерне преобладали¹⁵¹.

Величайшей иллюзией фашистской идеологии в Коминтерне считали идею классовой гармонии. Пока не уничтожена частная собственность, социалистическая революция не изменила общество коренным образом, любой отказ от классовой борьбы служил, по их мнению, лишь укреплению существующей «капиталистической» системы. И поэтому те фашисты, которые искренне верят в классовую гармонию, в конце концов являются лишь инструментом капитала. В своем докладе на 3-ем пленуме ИККИ Клара Цеткин сказала: «Классовые противоречия более сильны, чем все отрицающие их идеологи, и эти противоречия прокладывают себе дорогу несмотря на фашизм, именно благодаря фашизму и против него»¹⁵². Когда коммунистические теоретики говорили о «мощных классовых противоречиях» в западном обществе, они в принципе переоценивали остроту социального конфликта на Западе. Поэтому для них зачастую оставались непонятными причины популярности идеи классовой гармонии в отдельных западных странах. Завышенная оценка интенсивности социального конфликта была наверняка связана с тем, что большевики, а заодно и многие западные коммунисты, находившиеся под их влиянием, переносили на Запад специфический опыт предреволюционной России. Из-за нерешенности аграрного вопроса и культурной пропасти между европеизированными высшими слоями и народными массами низшие слои русского общества были в 1917 году в высшей степени восприимчивы к идее гражданской войны. Западное же общество, как справедливо указывали например, Николай Бердяев и Франц Боркенау¹⁵³, наоборот, было гораздо более однородным, чем русское; поэтому здесь классовая борьба не приняла форму тотального отрицания высших слоев общества низшими, как это случилось в России. Кроме того, опыт русской гражданской войны в период с 1917 по 1921 год устрашающе воздействовал на западное общество¹⁵⁴; это в немалой степени способствовало популярности идеи сотрудничества между различными классами. Большевики и большинство западных коммунистов в недостаточной степени поняли эту тенденцию, в то время как фашисты и национал-социалисты очень ловко использовали её.

¹⁵¹ Недооценку самостоятельности фашистской идеологии коммунистическими теоретиками критикует современный советский исследователь фашизма Александр Галкин (Германский фашизм. М., 1967. С. 297-298).

¹⁵² Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 224. См. Также Radek. Die internationale Lage. P. 28; Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 9.

¹⁵³ Berdjaev Nikolaj. Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Russlands und Europas. Tübingen, 1950. P. 80; Borkenau F. The Communist International. L., 1938. P. 421.

¹⁵⁴ См. Borkenau. The Communist International. P. 421; Gruber. International Communism in the Era of Lenin. P. 118, 139, 140; Geyer D. Sowjetrußland und die Deutsche Arbeiterbewegung 1918-1932 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1976. P. 10-11; Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936. P. 74.

«Прогрессивный» и «реакционный» фашизм

Коммунистические теоретики не умалчивали того факта, что многие фашисты имеют социалистическое прошлое¹⁵⁵. Их ренегатство они пытались объяснить тем, что речь шла, как правило, о бывших анархистах и синдикалистах¹⁵⁶. Отношение коммунистов к синдикалистам и анархистам всегда было скептическим. Их называли «мелкими буржуа» и «утопистами». Их идеологию упрекали в том, что она не основана на прочном фундаменте «диалектического материализма», и поэтому они якобы были склонны к шатаниям вправо и влево¹⁵⁷. До ноября 1914 года и сам Муссолини официально был социал-демократом, однако идеологи Коминтерна обнаружили постфактум, что он никогда не был способен к «подлинно» марксистскому образу мышления. Он якобы произвольно истолковывал марксизм и разбавлял марксистские категории многими анархо-синдикалистскими элементами¹⁵⁸. Однако некоторые теоретики Коминтерна попытались подойти к проблеме социалистического прошлого многих фашистов более дифференцированно. Они хотели выяснить, в какой степени это прошлое сказывается в конкретных современных течениях внутри фашизма. Они рассматривали итальянский фашизм как разнородное течение, внутри которого в постоянном напряжении противостоят друг другу социально-прогрессивное и реакционное крыло¹⁵⁹. На 4-ом конгрессе Коминтерна Пальмиро Тольятти выдвинул тезис, в соответствии с которым еще в 1920-ом году фашизм представлял собой революционное движение. Тогда фашизм не думал устанавливать диктатуру «финансового капитала»¹⁶⁰.

К этому тезису в марте 1923 года присоединился и Аквила. Он считал, что только с конца 1920-го года, то есть, после союза с аграриями фашизм утратил многое из своего изначально подрывного и преобразующего характера. С этого момента в фашизме можно различать два крыла, преследующих различные, иногда даже противоположные цели¹⁶¹. В своей статье Аквила развивает теорию, которую можно сравнить с более поздними теориями модернизации. Согласно его мнению, первостепенная цель возглавляемого самим Муссолини прогрессивного городского крыла в фашизме заключается в индустриализации и модернизации Италии. Это течение нельзя без разбору клеймить как «реакционное». В нём не-

¹⁵⁵ См. Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 331; Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 63f.; idem. Der Faschismus in Italien. P. 20-23.

¹⁵⁶ Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 331; Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 20-23; Jacobsen. Der Faschismus. P. 302.

¹⁵⁷ См. Trockij. Geschichte der russischen Revolution. P. 839; Ленин. Сочинения. Т. 41. С. 14-16.

¹⁵⁸ См. на эту тему Tasca. Glauben, Gehorchen Kämpfen. P. 54, Balabanoff. Erinnerungen und Erlebnisse. P. 84-86; idem. Wesen und Werdegang des italienischen Faschismus. Wien, 1931. P. 180-195.

¹⁵⁹ Clara Zetkin, Rede auf dem Internationalen Anti-Faschismus Kongreß // Inprekorr. 23.3.1923. Nr. 52. P. 418-419; см. также Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 29ff.; Radek / Protokoll des 4 Kongresses der Komintern. P. 314-315.

¹⁶⁰ См. J. M. Cammett. Communist Theories of Fascism. P. 158-159.

¹⁶¹ Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 66-67; idem. Der Faschismus in Italien. P. 29-31.

мало бывших социалистов, которые пытаются спасти первоначальный революционный фашизм от напора реакционных аграриев¹⁶². В марте 1923-го года Клара Цеткин подтвердила тезис Аквилы: «Противоречие между аграрным и промышленным капиталом, первый из которых стремился повернуть страну к старым авторитарным отношениям, а второй был заинтересован в построении современного промышленного государства, существует в партии и сейчас»¹⁶³. Для Аквилы фашизм является одним из самых противоречивых политических течений новейшей истории: «...суждения о фашизме даже в самой Италии далеко не единодушны, а иногда они резко противоречат друг другу... Но самое интересное заключается в том, что все эти... мнения и суждения о фашизме действительно содержат долю правды; их ошибочность состоит лишь в том, что они считают общезначимыми отдельные явления или характерные черты отдельных фаз развития, и именно поэтому не объясняют явление в целом»¹⁶⁴. Эти противоречия, как полагал Аквила, могут взорвать фашизм, но своими успехами фашизм обязан прежде всего обстоятельству, что ему удался синтез этих противоречий¹⁶⁵. Фашизм хоть и является плебейским, антиконсервативным движением, не смог бы тем не менее достичь таких успехов в борьбе против итальянского рабочего движения без поддержки консервативного государственного аппарата и господствующих слоев Италии. С другой стороны, фашистское движение без плебейских и радикальных элементов полностью лишилось бы своей действенной силы и оказалось бы таким образом неспособным к успешной борьбе¹⁶⁶.

Хотя Аквила отчетливо видел конфликт интересов руководимого Муссолини течения фашизма с аграриями, он недооценивал, подобно позднейшим представителям теории модернизации, двойственность в отношении Муссолини к другой части высших слоев итальянского общества – к предпринимателям¹⁶⁷. Цели промышленного капитала и Муссолини были для Аквилы по существу идентичными. Оба стремились к подъему промышленного производства в Италии и подчинению дисциплине рабочего класса¹⁶⁸. Но следует заметить, что это совпадение интересов не было особенно глубоким. Муссолини, к примеру, добивался участия Италии в мировой войне (с ноября 1914 года) в первую очередь не по экономическим или каким-либо иным рациональным соображениям. Надежда, что участие в войне сможет ускорить процесс развития итальянской промышленности, наверняка не была, в противовес мнению Аквилы, важнейшим мотивом, определявшим тогдашние действия Муссолини. Муссолини знал, что война озна-

¹⁶² Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 29-31.

¹⁶³ Clara Zetkin, Rede auf dem Internationalen Anti-Faschismus Kongreß. P. 418-420.

¹⁶⁴ Aquila. Der Faschismus an der Macht. P. 62.

¹⁶⁵ Ibid. P. 62-67; idem. Der Faschismus in Italien. P. 37-39, 61.

¹⁶⁶ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 8-10, 15, 35-39, 61.

¹⁶⁷ См. также Borkenau F. Zur Soziologie des Faschismus / Theorien über den Faschismus. P. 156-181.

¹⁶⁸ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 55-57, 64-65; idem. Der Faschismus an der Macht. P. 62-64.

чает в первую очередь разрушение, а не созидание¹⁶⁹, и тем не менее он высказался за войну, так как презирал пассивность и нейтралитет как признаки упадочничества. В ноябре 1914-го года он говорил: «Сегодня... антивоенная пропаганда является пропагандой трусости. Она имеет успех постольку, поскольку возбуждает и укрепляет инстинкт самосохранения каждого человека. Но именно поэтому она и является антиреволюционной акцией»¹⁷⁰. После начала войны Муссолини покинул СПИ, но не потому, что он был подкуплен «капиталистами»¹⁷¹, а потому, что у социалистов ему не хватало сплоченности и воли к действию¹⁷².

Яков Тальмон называет Муссолини одним из первых ренегатов крайне левых, которые переметнулись к крайне правым¹⁷³. Мотивы, которые подвигли представителей радикального крыла рабочего движения к сближению с крайне правыми, Тальмон исследует на примере другого «ренегата» социализма – француза Жоржа Сореля. Классовая борьба пролетариата интересовала Сореля не потому, что он в первую очередь отвергал угнетение рабочего класса по моральным соображениям. Гораздо более важным было в этой связи его убеждение в том, что готовность рабочих к применению прямого насилия неизмеримо больше, чем у буржуазии. Когда противники пролетариата предъявили доказательство того, что они способны применять насилие более эффективно, чем рабочие партии, Сорель перенес свои симпатии и надежды на эти антипролетарские группировки. И теперь он ожидал от них омоложения европейской культуры путем применения насилия¹⁷⁴. Это изображение идеологического перерождения Сореля Яковом Тальмоном в точности приложимо и к случаю Муссолини. И для него главной целью борьбы была ревитализация европейской культуры, а не освобождение угнетенных¹⁷⁵. Когда обнаружилось, что рабочие в принципе более миролюбивы и пассивны, чем определенные активные элементы буржуазии, что целью большинства рабочих является скромное благосостояние, а не общественный переворот, Муссолини с разочарованием отвернулся от них¹⁷⁶. Его надежды на омоло-

¹⁶⁹ Mussolini. Opera. Vol. 7. P. 76-78.

¹⁷⁰ Mussolini, Schriften und Reden. Vol. 1. P. 3; см. также Settembrini D. Mussolini and the Legacy of Revolutionary Socialism // Journal of Contemporary History. 1976. October. Vol. 11. Nr. 4. P. 239-268.

¹⁷¹ См. на эту тему Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 32-33.

¹⁷² Vgl. Mussolini. Opera. Vol. 7. P. 77-79; Heller. Europa und der Faschismus. P. 41-43; Gregor. The Ideology of Fascism. P. 14-15; Schulz G. Faschismus-Nationalsozialismus. Frankfurt/Main, 1974. P. 16-19.

¹⁷³ Talmon J. The Unique and the Universal. L., 1965. P. 195-197.

¹⁷⁴ Idem. The Legacy of Sorel // Encounter. 1970. Februar; idem. The Unique and the Universal. P. 190-192, 195-197; см. также Sorel G. Über die Gewalt. Innsbruck, 1928.

¹⁷⁵ См. Nolte, Marx und Nietzsche im Sozialismus des jungen Mussolini; Priester K. Der italienische Faschismus. Ökonomische und ideologische Grundlagen. Köln, 1972. P. 84-90, 96-97.

¹⁷⁶ Mussolini. Opera. Vol. 16. P. 445. См. также Ortega y Gasset J. Der Aufstand der Massen. Stuttgart, 1957. P. 253-255; Freyer H. Revolution von Rechts. Jena, 1931.

жение и ревитализацию общества связывались теперь с вернувшимися с полей сражений участниками войны – независимо от их классового происхождения¹⁷⁷.

Мотивы, определявшие поведение Муссолини, были в первую очередь волюнтаристскими, поэтому можно лишь в известных границах вести речь о совпадении интересов Муссолини и промышленного капитала. Конечно, индустриализация Италии соответствовала как его интересам, так и интересам североитальянской промышленной буржуазии. Но ясно и другое, что далеко идущие цели иррационального и непредсказуемого фашистского режима и рационально-расчетливого итальянского промышленного капитала противоречили друг другу¹⁷⁸. Представители теории модернизации недооценили это противоречие интересов¹⁷⁹.

6. Прогнозы Коминтерна относительно будущего развития фашистского режима в Италии

Тот факт, что итальянский фашизм добился своих побед за счет мобилизации масс, должен был, по мнению многих теоретиков Коминтерна, сразу же после захвата власти поставить фашизм перед трудно решаемыми задачами. Фашизм с неизбежностью должен разочаровать своих последователей, утверждали они. Исполнение хотя бы части тех ожиданий, которые фашисты разбудили своей пропагандой у самых разных слоёв итальянского населения, выше их сил. И это должно было привести к отходу масс от фашизма¹⁸⁰. Уже спустя несколько недель после похода на Рим А. Якобсен писал, что непреодолимое классовое противоречие начнет угрожать фашистам в тот час, когда они придут к власти. Вождей фашизма можно причислить к буржуазии, а массы его приверженцев, напротив, требуют улучшения своего материального положения. Смогут ли фашисты надолго остаться у власти, зависит от способности Муссолини сдержать фашистские массы и хотя бы отчасти удовлетворить их потребности. Иначе классовая борьба взорвет фашизм в самом скором времени¹⁸¹. В то же самое время и Радек предсказывал фашистскому режиму большие трудности. Первостепенной задачей фашизма является теперь демобилизация широких масс своих сторонников, которая скорее всего не будет протекать гладко. Фашистские боевики наверняка попытаются

¹⁷⁷ Mussolini. Opera. Vol. 16. P. 211-212.

¹⁷⁸ См. на эту тему Michels. Sozialismus und Fascismus in Italien. Vol. 2. P. 263; Tasca. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. P. 385-387; Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus. P. 50-5; Gregor. The Ideology of Fascism. P. 22-24; Ludwig. Mussolinis Gespräche. P. 155-156; Schieder. Faschismus. P. 460-464; Sarti. Fascism and the Industrial Leadership. P. 1-2, 17, 56; De Felice. Der Faschismus. P. 52-54.

¹⁷⁹ О противоречиях между итальянским фашизмом и промышленным капиталом говорили, однако, в начале 20-ых годов и некоторые идеологи Коминтерна, в том числе и упомянутый автор, пользующийся инициалами P. O.-i. (Der Faschismus. P. 99), а также и упомянутый немецкий коммунист Якобсен (Der Faszismus. P. 303).

¹⁸⁰ Radek / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 314-315.

¹⁸¹ Jacobsen. Der Faszismus. P. 304.

восстать против желания Муссолини отправить их домой и заменить регулярной армией. Источник силы фашизма – его массовый базис – после захвата власти сможет стать главным фактором его разрушения. Муссолини будет вынужден выполнять «капиталистическую» а не «мелкобуржуазную» программу, и этим он наверняка разочарует своих мелкобуржуазных сторонников, утверждал Радек¹⁸².

Амадео Бордига тоже предсказывал на 4-ом конгрессе Коминтерна большие трудности для фашистского режима. Правда, он не верил, что эти проблемы повлекут за собой скорейший крах фашистского режима. „Мы утверждали, что фашизм должен считаться с недовольством, вызванным политикой правительства. Тем не менее нам хорошо известно, что, имея в руках наряду с государственной властью еще и военную организацию, можно с легкостью одержать победу над недовольством и неблагоприятными экономическими обстоятельствами... Фашисты отлично организованы и имеют благоприятные перспективы. При таких обстоятельствах можно предвидеть, что позиция фашистов отнюдь не является ненадежной»¹⁸³. Таким образом, Бордига оказался на этот раз осторожнее и реалистичнее, чем Радек. Но, несмотря на это предостережение Бордига, тезис о скором крахе фашизма на основе его внутренних противоречий был тогда в Коминтерне очень популярен.

Даже такой глубокий исследователь фашизма как Аквила писал в 1923 году в своей книге *Фашизм в Италии*, что фашизм хотя и не потерпел крах и не переживает никакого непосредственного кризиса, но идеологически он обанкротился. Фашизм, по его мнению, разочаровал своих пролетарских, мелкобуржуазных и крестьянских приверженцев, а его притягательная сила в глазах масс значительно ослабела¹⁸⁴. Аквила полагал, что не только массы, но и большие части буржуазии постепенно переходят в оппозицию к фашизму. Хотя Муссолини и создал государство, защищающее интересы буржуазии, его поддерживает не вся буржуазия, да и никогда итальянская буржуазия не стояла единым фронтом на стороне Муссолини¹⁸⁵. Либеральные слои итальянской буржуазии теперь выступают за возврат к парламентской форме правления¹⁸⁶. Идеи Аквилы развивала Клара Цеткин в своем докладе на 3-ем пленуме ИККИ. Она указывала на постоянно нарастающее противоречие между фашизмом и другими буржуазными партиями. Фашизм преследует цель создания единой буржуазной классовой организации как противовеса революционному пролетариату. Поэтому он хочет либо распустить, либо вобрать в себя другие буржуазные партии¹⁸⁷. Но до сих пор фашистам уда-

¹⁸² Radek / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 314-315.

¹⁸³ Bordiga / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 349-350.

¹⁸⁴ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 53.

¹⁸⁵ Ibid. P. 63.

¹⁸⁶ Ibid. P. 66. Также и некоторые социал-демократические авторы были тогда уверены в том, что фашистский режим в ближайшее время распадется. См. статью «Фашистская контрреволюция» в органе партии меньшевиков Социалистический вестник (21.11.1922); Того же мнения придерживался и один из вождей итальянских социалистов Модильяни (Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses. Mai 1923. P. 38.)

¹⁸⁷ Clara Zetkin / Protokoll des 3. Plenums des EKKI. P. 223.

лось включить в свой состав только маленькую партию националистов, а с другими партиями эта попытка потерпела крах. Наоборот, «буржуазные» демократы возвращаются к своим старым идеологиям, а самая большая «буржуазная» партия Италии – пополари – находится в открытой оппозиции к фашизму¹⁸⁸. Другими словами, Клара Цеткин считала, что фашистам не удалось создать «буржуазную партию нового типа», как охарактеризовал её Бордига на 4 конгрессе Коминтерна. Фашизм не смог собрать в единый кулак все буржуазные силы, продолжает Цеткин, он представляет собой не блок из гранита, а двойственное образование, включающее в себя противоположные элементы. И поэтому фашизм разложится, но не сам по себе. Итальянский рабочий класс должен ускорить этот процесс своей борьбой¹⁸⁹.

Но в тот момент было весьма сложно выполнить это требование Клары Цеткин. Ударная сила итальянского рабочего движения, деморализованного двухлетним фашистским террором, отнюдь не увеличилась после прихода фашистов к власти. Пропась между социалистами и коммунистами в Италии, несмотря на установление фашистской диктатуры, тоже не была устранена. Руководство Коминтерна предпринимало всё новые попытки подтолкнуть обе итальянские рабочие партии к совместным выступлениям против фашизма. В 1923 году Аквила писал, что самозащита рабочего класса от фашизма должна быть организована всем рабочим классом в целом, без различия партий¹⁹⁰. Это необходимо, так как фашизм направлен против пролетариата в целом, а не против той или иной пролетарской партии¹⁹¹. Но призывы руководства Коминтерна, адресованные прежде всего КПИ, создать единый фронт в борьбе против фашизма, оставались тщетными. В течение всего 1923-го года КПИ оставалась практически парализованной из-за конфликта её левого руководства с ИККИ и полемики с верным Коминтерну меньшинством внутри партии. Не намного лучше было положение раздробленной из-за борьбы внутренних группировок и разгромленной фашистским террором СПИ¹⁹². Руководство Коминтерна знало об этом глубоком бессилии итальянского рабочего движения. Поэтому оно в принципе не рассчитывало на сопротивление итальянских рабочих партий как на фактор, могущий обеспечить разгром фашистского режима. Гораздо больше оно надеялось на разочарованных, по его мнению, сторонников самого фашистского режима. Поэтому так часто говорилось об идеологическом банкротстве фашизма, об утрате его привлекательности в глазах масс, привлеченных вначале его идеями¹⁹³. То, что большинство теоретиков Коминтерна не понимало идеологического своеобразия фашизма и идео-

¹⁸⁸ Ibid. P. 223-224.

¹⁸⁹ Ibid. P. 226-227.

¹⁹⁰ Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 82-83.

¹⁹¹ Togliatti. Die Entstehung der Führungsgruppe der KPI; Gruber. The International Communism in the Era of Lenin. P. 371-379.

¹⁹² Nenni. Todeskampf der Freiheit. P. 111-126.

¹⁹³ Radek / Protokoll des 4. Kongresses der Komintern. P. 314-315; Aquila. Der Faschismus in Italien. P. 68-67.

логических мотивов его сторонников, мстило за себя и здесь, подобно тому, как это происходило и при других ошибочных прогнозах руководства Коминтерна, описанных выше.

Тезис многих коммунистических теоретиков о том, что фашизм потеряет свою притягательную силу после прихода к власти, не подтвердился реальным ходом развития обстоятельств в фашистской Италии. Наоборот, именно находясь у власти фашизм смог привлечь в русло своей идеологии все более широкие слои населения Италии, несмотря на отдельные поражения, прежде всего во время кризиса, связанного с убийством лидера СПИ Маттеотти (1924). Консенсус между правительством и режимом со временем, собственно, до середины тридцатых годов, становился всё глубже.

На это указывают многие исследователи фашизма, среди них Де Феличе и Мелограни¹⁹⁴. Верно то, что многие убежденные фашисты в разочаровании отошли от фашизма из-за мер фашистского правительства, противоречивших фашистским идеям. Но разве не было такого же количества разочарованных большевиков, упрекавших большевистское правительство после Октябрьской революции в «предательстве» изначальных большевистских принципов и отошедших от большевизма? Но большинство большевиков приспособилось к новым обстоятельствам и сохранило верность партии. Из-за нахождения у власти большевистская партия ни в коей мере не утратила своей притягательной силы, хотя с марта 1918-го года, после ухода из правительства левых эсеров, она единолично правила в России¹⁹⁵.

Те элементы в обществе, которые хотели влиять на политические процессы в стране, в связи с разгромом всех оппозиционных группировок, не имели, за редкими исключениями, другого выбора, кроме как вступить в большевистскую партию. Многие делали это из оппортунизма, но было немало и тех, кто руководствовался идеологическими мотивами. При этом надо учитывать то обстоятельство, что проблемы, с которыми столкнулись фашисты после похода на Рим, были несравнимы с теми трудностями, которые приходилось преодолевать большевикам в их борьбе за власть в период с 1917 по 1921 год. Некоторые идеологи Коминтерна оспаривали способность фашистской партии справиться с кризисами таким же образом, как это делали в своё время большевики. Они полагали, что фашистская партия ни в коей мере не является столь же устойчивой и закаленной, как большевистская. Радек писал в связи с этим в августе 1923 года: «Нельзя забывать, что, в то время как русская коммунистическая партия имеет позади себя 25-летнюю историю, выковавшую из неё монолитный стальной блок, итальянский фашизм представляет собой молодое, слабое образование»¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Melograni P. The Cult of the Duce in Mussolini's Italy // *Journal of Contemporary History*. 1976. Oktober. Vol. 11. Nr. 4. P. 221-237; De Felice. *Der Faschismus*. P. 67-69; Idem. *Mussolini il Duce, I. Gli anni del consenso*. Turin, 1974.

¹⁹⁵ См. Deutscher. *Der bewaffnete Prophet*. P. 377-378; Carr E.H. *The Bolshevik Revolution*. L., 1960. Vol. 1. P. 160-161.

¹⁹⁶ Radek. *Die internationale Lage*. P. 22.

Но в той же самой статье Радек предостерегает легковверных оптимистов, надеющихся на скорое свержение фашизма: «Когда приходится читать о внутреннем разложении фашизма, то мы, русские коммунисты, прежде всего склонны к осторожности. Уже пять лет мы читаем в буржуазных газетах, что то Ленин, то Троцкий арестованы, а наша партия ежедневно распадается на десять частей. Я не верю в то, что фашизм завтра распадется»¹⁹⁷.

Это трезвое высказывание Радека известным образом сочетается с предостережением Бордиги от недооценки способности фашистского режима к сопротивлению, которое он высказал на 4-ом конгрессе Коминтерна. Оба эти высказывания указывают на то, что были тогда в Коминтерне и теоретики, которые в своём анализе фашистского режима, несмотря на господствующую в Коминтерне тенденцию недооценки фашистской угрозы, приближались к реалистической оценке этого нового, ранее не существовавшего феномена и не поддавались соблазну принимать желаемое за действительное.

Авторизованный перевод с немецкого: Ларисы Лисюткиной

¹⁹⁷ Ibid. P. 22.